

Изъ исторіи семьи у русскихъ инородцевъ.

Я хочу коснуться нѣкоторыхъ брачныхъ обрядовъ и обычаевъ, существующихъ у русскихъ инородцевъ и наводящихъ на мысль, что прежде семья у русскихъ инородцевъ была организована совершенно иначе, чѣмъ въ настоящее время. Теперь нормальной формой инородческой семьи является патріархальная семья; мужчина беретъ себѣ жену или, въ рѣдкихъ случаяхъ, нѣсколько женъ, вводитъ ее въ свой домъ и становится почти полнымъ ея господиномъ. Съ своей родной семьей женщина, выходя замужъ, порываетъ въ значительной степени прежнія связи; для прежнихъ родственниковъ замужняя женщина становится какъ бы отрѣзаннымъ ломтемъ; она теряетъ права на пользованіе родовымъ имуществомъ, лишается защиты и покровительства родственниковъ, начинаетъ поклоняться новымъ божествамъ. Такая форма семьи въ настоящее время преобладаетъ на земномъ шарѣ, но на ряду съ ней существуетъ и теперь или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, существовала раньше и другая совершенно противоположная форма. У нѣкоторыхъ народовъ женщина, выходя замужъ, нисколько не мѣняетъ своихъ прежнихъ отношеній къ родной семьѣ; она по прежнему остается членомъ этой семьи, пользуется ея защитой и покровительствомъ, имѣетъ извѣстную долю въ ея имуществѣ и даже не мѣняетъ своего мѣстожительства, а по прежнему остается жить со своими родителями или ближайшими родственниками. Мужъ или входитъ въ составъ жениной семьи, селится въ ея домѣ и становится сперва подчиненнымъ, а потомъ болѣе или менѣе равноправнымъ ея членомъ, или же сохраняетъ свое прежнее положеніе и мѣстожительство, только посѣщая по временамъ жену и оказывая ей болѣе или менѣе случайныя услуги.

Такъ вотъ я хочу указать на нѣкоторыя основанія, позволяющія думать, что и у русскихъ инородцевъ современная патріар-

хальная семья не существовала испоконъ вѣка, а была продуктомъ историческаго развитія, и что еще и теперь есть кое-какіе слѣды прежней организаціи семьи, когда замужняя женщина не покидала своей собственной семьи. Основанія эти далеко не такъ солидны, чтобы на нихъ можно было построить прочную теорію, но важность вопроса даетъ оправданіе даже попыткѣ выставить нѣкоторыя гипотезы, которыя, можетъ быть, побудятъ другихъ обратить вниманіе на относящіеся сюда любопытные факты.

I.

Начну съ инородцевъ крайняго сѣверо-востока Сибири: соотвѣтственныя племена, правда, не имѣютъ никакого лингвистическаго родства съ прочими инородцами Сибири и сильно отличаются отъ послѣднихъ и въ культурномъ отношеніи, такъ что выводы вѣрные относительно однихъ могутъ быть совершенно непримѣнимы къ другимъ, но тутъ мы имѣемъ дѣло съ болѣе опредѣленными и ясными фактами, позволяющими намъ намѣтить возможный путь развитія, приведшаго къ патріархальной семьѣ, и дающими болѣе прочную почву для истолкованія разрозненныхъ и отрывочныхъ переживаній, сохранившихся у другихъ народовъ Сибири и восточной Россіи.

У *юкагировъ*, какъ оказывается по изслѣдованіямъ Іохельсона, замужняя женщина и теперь не покидаетъ своей родной семьи наоборотъ, мужъ входитъ въ составъ этой семьи и селится въ жилищѣ тестя. До брака дѣвушки пользуются очень большой свободой; каждая имѣетъ особый пологъ въ урасѣ и принимаетъ тамъ по ночамъ молодыхъ людей; родители, конечно, знаютъ про эти ночные визиты, но дѣлаютъ видъ, что не замѣчаютъ ихъ. На такой почвѣ возникаютъ болѣе прочныя отношенія между дѣвушкой и какимъ-нибудь опредѣленнымъ молодымъ мужчиной, и послѣдній становится постояннымъ посѣтителемъ полога дѣвушки. Иногда онъ уже въ эту пору начинаетъ оказывать разныя услуги семьѣ любимой дѣвушки; услуги эти молчаливо принимаются, хотя и не обязываютъ ни къ чему ни ту, ни другую сторону. Наконецъ, связь кончается бракомъ, но мѣняетъ онъ отношенія между молодыми людьми только въ томъ смыслѣ, что женихъ поселяется въ урасѣ невѣсты и становится членомъ ея семьи. Переселяясь въ урасу

невѣсты, женихъ приноситъ съ собой только ружье; невѣста заготовляетъ для него новый костюмъ—и даже сѣти, которыми онъ будетъ ловить рыбу, должны быть у невѣсты. Для брака требуется согласіе отца невѣсты, и теперь это согласіе дается только послѣ сватовства, продолжающагося довольно долго, прежде же все дѣло ограничивалось тѣмъ, что женихъ въ теченіе трехъ дней кололъ дрова передъ урасой тестя, и если послѣдній начиналъ пользоваться ими на четвертый день, то тѣмъ самымъ выражалъ свое согласіе. Женихъ по обыкновенію приходилъ ночью къ невѣстѣ, но утромъ уже не уходилъ изъ урасы тестя, а оставался въ ней, поставивъ предварительно на видномъ мѣстѣ свой лукъ и стрѣлы. Въ теперешнемъ сватовствѣ характерны слова, съ которыми обращается сватъ къ роднымъ невѣсты послѣ первоначальнаго обычнаго отказа на предложеніе: „Отецъ-мать! моего юношу-сироту къ огню вашего очага отчего не пускаете?“ Эта формула особенно важна тѣмъ, что культъ предковъ сильно развитъ у юкагировъ, а пріобщенье къ домашнему очагу, какъ извѣстно, равносильно пріобщенію къ культу предковъ. Давая свое согласіе, отецъ невѣсты „ставитъ условіе, что женихъ во всю жизнь не долженъ оставлять его дома“ [1]). Изъ этого правила впрочемъ бываютъ „исключенія“, и „если въ семьѣ и безъ зятя достаточно мужчинъ промышленниковъ, то по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ его отпускаютъ съ женой въ его родъ, или двѣ семьи, по соглашенію, мѣняются дѣвушками, вмѣсто того, чтобы зятья переходили изъ дома въ домъ“ [2]). Но эти исключенія, конечно, не нарушаютъ цѣльности картины и ничего не доказываютъ, какъ ничего не доказываютъ отдѣльные случаи вступленія зятя въ домъ тестя при патріархальной семьѣ. Изъ другихъ приводимыхъ Іохельсономъ подробностей необходимо отмѣтить эндогамію и отсутствіе какихъ-бы то ни было указаній на символическое или дѣйствительное похищеніе невѣсты [3]).

---

[1]) *Вл. Іохельсонъ*, Бродячіе роды между Индигиркой и Колымой. Жив. Ст. 1900 г., I—II, стр. 171—175.—*В. И. Іохельсонъ*, Матеріалы по изученію юкагирскаго языка и фольклора, стр. 19, 20, 104—105, 138, 169, 171, 188, 221—223, 225, 226.

[2]) *Вл. Іохельсонъ*, Бродячіе роды, стр. 175.

[3]) *Августиновичъ* (Тр. Антр. отд. IѴ, стр. 48) и *Киберъ* (Спб. Вѣстн. 1824 г. I, стр. 37) упоминаютъ о калымѣ у юкагировъ, но въ ихъ сообщеніяхъ, вѣ-

Чукотская семья организована уже иначе, чѣмъ семья юкагировъ, но все же тутъ мы имѣемъ довольно ясные слѣды прежняго иного порядка вещей въ обычаѣ отработывать за невѣсту. Наиболѣе точными свѣдѣніями о чукчахъ мы обязаны В. Г. Богоразу. Онъ указываетъ, что преобладающей формой брака является эндогамный бракъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ и экзогамный бракъ, не уничтожающій, однако, совсѣмъ власти надъ женщиной ея семьи. Хотя при экзогамномъ бракѣ мужъ уводитъ жену въ свой домъ, но, какъ утверждаетъ г. Богоразъ, „ближайшіе мужскіе родственники отданной женщины сохраняютъ надъ ней свою власть и имѣютъ право даже черезъ значительный промежутокъ времени потребовать ее обратно, что нерѣдко и приводится въ исполненіе". Въ нѣкоторыхъ богатыхъ семьяхъ дѣвушки совсѣмъ не покидаютъ родительскаго дома, а наоборотъ, зять вступаетъ въ семью тестя и становится ея членомъ, хотя и можетъ быть прогнанъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ брака [1]). До брака женихъ долженъ проработать нѣсколько лѣтъ тестю, но ужъ съ перваго дня послѣ договора женихъ пользуется супружескими правами па невѣсту, такъ что бракъ измѣняетъ для жениха и невѣсты только мѣстожительство [2]). Калымъ у чукчъ, по категорическому утвержденію г. Богораза, не существуетъ, и въ одномъ изъ своихъ беллетристическихъ произведеній изъ чукотской жизни этотъ авторъ влагаетъ слѣдующія слова чукотскому отцу въ отвѣтъ на предложеніе замѣнить отработку уплатой калыма: „Или я ламутъ, что стану продавать дѣвку! Развѣ это собака или нерпа, чтобы брать за нее шкуры на плату" [3])?

Самъ по себѣ фактъ службы будущаго зятя тестю за невѣсту допускаетъ различное объясненіе. Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ такая служба бываетъ простою замѣною калыма, и если мы знаемъ только то, что женихъ отработываетъ тестю за невѣ-

---

роятно, подразумѣваются не настоящіе юкагиры, а такъ называемые тундренные роды, представляющіе смѣсь юкагировъ съ тунгусами.

[1]) *В. Г. Богоразъ.* Краткій отчетъ объ изслѣдованіи чукочъ Калымскаго края. Изв. Вост. Сиб. отд. Геогр. общ., кн. XXX, вып. 1-й (1899 г.), стр. 35-37

[2]) Ibid., стр. 35. 36.—*Танъ,* Чукотскіе разсказы, стр. 201.

[3]) *В. Г. Богоразъ.*, стр. 37.—*Танъ*, стр. 29.—Др. *Киберъ* (Чукчи. Сиб. Вѣстн. 1824 г., II, стр. 112) тоже говоритъ: „калымъ и другіе свадебные обычаи имъ неизвѣстны".

сту, въ этомъ фактѣ нельзя еще видѣть безспорныхъ указаній на прежнюю организацію семьи, когда мужъ навсегда селился въ домѣ жены. Но относительно чукчей у насъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній, такъ какъ мы знаемъ не только, что зять отработываетъ тестю за невѣсту, но также и то, что 1) калыма у чукчей совсѣмъ не существуетъ, и отработка не можетъ быть замѣнена уплатой денегъ или товаровъ, 2) родственники жены не утрачиваютъ своихъ правъ на нее и могутъ отнять ее у мужа, и 3) служба зятя не налагаетъ никакихъ обязательствъ на тестя, послѣдній во всякій моментъ можетъ прогнать перваго безъ всякаго вознагражденія за понесенные имъ труды" [1]). Эти три обстоятельства, какъ мнѣ кажется, ясно доказываютъ, что у чукчей служба за невѣсту является переживаніемъ прежняго переселенія мужа на постоянное жительство въ домъ жены, а отнюдь не видоизмѣненіемъ покупного брака.

Я не буду останавливаться на показаніяхъ другихъ авторовъ, подтверждающихъ, съ большими или меньшими подробностями, картину, нарисованную г. Богоразомъ, (Ресинъ, Майдель, Августиновичъ, Дьячковъ), и укажу лишь на существованіе отзывовъ, противорѣчащихъ ей. Такъ у Литке мы находимъ такую фразу: „Жены покупаются и цѣнятся не столько по красотѣ, какъ по уму и проворству невѣсты", а другой менѣе извѣстный путешественникъ, какъ Шишмаревъ, говоритъ: „Женятся безъ всякихъ обрядовъ; выбравъ невѣсту, торгуются съ отцомъ и уговорясь уводятъ съ собой" [2]). Въ этихъ отзывахъ какъ будто содержится указаніе на покупной бракъ, но краткость этихъ отзывовъ не позволяетъ придти къ опредѣленному выводу. Литке и Шишмаревъ описываютъ чукчей тихоокеанскаго побережья, тогда какъ Богоразъ (а также Майдель и Августиновичъ) имѣютъ въ виду западныхъ чукчей. Можетъ быть, что на тихоокеанскомъ побережьѣ чукотская семья сдѣлала еще одинъ шагъ впередъ по направленію къ па-

---

[1]) Объ этомъ обстоятельствѣ см. *Танъ*, Чукотскіе разск., стр. 26.—*А. А. Ресинъ*, Очеркъ инородцевъ русскаго побережья Тихаго океана. Изв. Геогр. общ. 1888 г., 3, стр. 178.—*Б. Г. Майдель*, Путешествіе по сѣверо-восточной части Якутской области въ 1868—70 г., стр. 162.—*Ѳ. М. Августиновичъ*, О племенахъ, населяющихъ Колымскій округъ. Тр. Антр. отд., т. IV, отд. 2, стр. 54.

[2]) *Ѳ. Литке*, Путешествіе вокругъ свѣта, т. II, стр. 194.—Кап. *Шишмаревъ*, Свѣдѣнія о Чукчахъ (извлеченія). Зап. Гидрогр. Департ. X, стр. 190.

тріархату и замѣнила службу за невѣсту уплатой выкупа, но и этому предположенію противорѣчатъ показанія Ресина, говорящаго про отработку невѣсты и не упоминающаго про покупку женъ.

Чтобы покончить съ чукчами, упомяну еще, что только въ двухъ описаніяхъ я нашелъ указанія на символическій захватъ невѣсты, да и то у авторовъ, описывающихъ чукчей вмѣстѣ съ коряками [1]. Такъ какъ при этомъ символическій захватъ описывается именно въ такихъ формахъ, которыя другими авторами приписываются исключительно корякамъ, то можно думать, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ ошибкой или съ неточностью выраженій и что, на самомъ дѣлѣ, чукчамъ символическій захватъ неизвѣстенъ.

Относительно *коряковъ* всѣ наши источники согласно показываютъ, что женихъ, прежде чѣмъ получить невѣсту, долженъ прожить нѣсколько лѣтъ у тестя и исполнять для него всѣ наиболѣе тяжелыя и непріятныя работы [2]. Ни въ одномъ описаніи нѣтъ указаній на существованіе покупного брака и на возможность замѣны службы тестю уплатой денегъ или товаровъ. Напротивъ того, Крашенинниковъ прямо говоритъ: „Жениху, каковъ бы кто богатъ оленями ни былъ, должно работать за невѣсту отъ 3 до 5 лѣтъ", а въ составленномъ мѣстной администраціей и относящемся приблизительно къ 1770 г. „Описаніи народовъ, находящихся около Якутска, Охотска и въ Камчаткѣ" это обстоятельство выражено не менѣе ясно: „Свойство производятъ и въ замужество дочерей своихъ отдаютъ безъ калымовъ, только съ тѣмъ договоромъ, чтобы тому зятю ихъ быть у нихъ въ работѣ по то время" и т. д. Тутъ, правда, говорится не объ однихъ корякахъ, а также и о чукчахъ, но слѣдующее непосредственно за приведенными сло-

---

[1] *Г. Дьячковъ*. Анадырскій край, стр. 104.—Описаніе народовъ, находящихся около Якутска, Охотска и въ Камчаткѣ. Россійскій Магазинъ 1792 г., стр. 371.

[2] *Крашенинниковъ*, Описаніе земли Камчатки (Изд. 1786 г.), II, стр. 163.—Описаніе народовъ, находящихся около Якутска, Охотска и въ Камчаткѣ. Росс. Маг. 1792 г., стр. 371.—Западный берегъ Камчатки по описямъ Ушакова и Елистратова 1742 и 1787 г. Зап. Гидрогр. Деп. X, стр. 152—154.—*Lesseps*, Reise von Kamtschatka nach Frankreich, II, стр. 65—68.—*Богородскій*, Медико-топографическое описаніе Гижигинскаго округа. Жур. Мин. Вн. Д. 1853 г., 4, стр. 109. *Дитмаръ*, О корякахъ и весьма близкихъ къ нимъ по происхожденію чукчахъ. Вѣстн. Геогр. Общ. 1856 г., т. XVI, стр. 25.—*Кеннанъ*, Кочевая жизнь въ Сибири, стр. 152—155.—*Дьячковъ*, Анадырскій край, стр. 104.

вами описаніе обряда хватанія, несомнѣнно относящееся къ корякамъ, позволяетъ думать, что и во всемъ данномъ отрывкѣ имѣются въ виду главнымъ образомъ коряки. Г. Богородскій отмѣчаетъ, что даже и продолжительная служба не налагаетъ никакихъ обязательствъ на тестя. „Такимъ образомъ, говоритъ этотъ авторъ, проработываютъ 5—10 лѣтъ и уходятъ иногда ни съ чѣмъ; случай этотъ даже не рѣдокъ“. Это же подтверждаетъ и Дитмаръ: „Если пришлецъ нравится отцу, то, смотря по мѣрѣ расположенія, отецъ отдаетъ ему свою дочь въ жены послѣ одного, двухъ и т. д., иногда даже десяти лѣтъ тяжкой работы. Но если случится, что въ теченіе этого времени пришлецъ не понравится, то нерѣдко бываетъ, что отецъ невѣсты его прогоняетъ, и тогда выполненная имъ изъ-за жены тяжкая работа пропадаетъ понапрасну“. Всѣ эти подробности заставляютъ думать, что и у коряковъ служба жениха тестю отнюдь не является замѣной или видоизмѣненіемъ покупного брака, а независима отъ послѣдняго и представляетъ переживаніе былого строя семьи, когда зять навсегда поступалъ въ домъ тестя. Въ пользу такого мнѣнія говоритъ и формула сватовства, сообщаемая геодезистомъ Елистратовымъ, описывающимъ западный берегъ Камчатки въ 1787 г. Отецъ жениха идетъ съ сыномъ въ домъ намѣченной дѣвушки и тамъ обращается къ ея отцу съ слѣдующей рѣчью: „Я пришелъ къ тебѣ, моему другу, свататься за сына своего, на такой-то твоей дочери; вотъ тебѣ мой сынъ; я тебѣ его отдаю: хочешь, держи за сына или за работника; можетъ на старости будетъ тебѣ въ замѣну“.

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя подробности: во все время службы женихъ, по словамъ Крашенинникова, пользуется супружескими правами на невѣсту, тогда какъ вообще нарушеніе дѣвушкой цѣломудрія наказывается, по словамъ Дитмара, смертью [1]). Далѣе Богородскій и Дитмаръ сообщаютъ, что до рожденія 1-го ребенка мужъ не въ правѣ распоряжаться женинымъ имуществомъ, и что мужъ не наслѣдуетъ женѣ; если послѣдняя умретъ бездѣтной, ея имущество достается прежнимъ ея родственникамъ [2]). Эта черта имѣетъ важное значеніе, особенно если ее сопоставить съ тѣмъ, что у юкагировъ при рожденіи перваго ребенка отцу и матери

---

[1]) *Крашенинниковъ*, II p., 163—*Дитмаръ*, 1. с., стр. 31.

[2]) *Богородицкій*, стр. 110—*Дитмарь*. стр. 31.

мѣняютъ имена, т. к. первый ребенокъ по настоящему только и организуетъ семью [1]). Наконецъ, Богородскій, Дитмаръ и Елистратовъ отмѣчаютъ, что первая ночь послѣ окончательнаго заключенія брака проводится молодыми въ домѣ тестя [2]). Придерживаются ли коряки экзогаміи или эндогаміи,—выяснить съ точностью намъ не удалось, но, повидимому, преобладаетъ эндогамный бракъ; въ „Описаніи народовъ" говорится, что олюторскіе коряки „сами у другихъ ордъ себѣ въ жены не берутъ и дѣтей своихъ никому въ жены не даютъ, но женятся и въ замужество отдаютъ между собою" [3]), но тутъ не извѣстно, что подразумѣвается подъ „ордами". Крашенинниковъ тоже выражается не особенно опредѣленно: „женъ берутъ наиболѣе изъ своего роду, двоюродныхъ сестеръ, тетокъ и мачихъ, токмо не женятся на матеряхъ, на родныхъ сестрахъ и на падчерицахъ [4]).

Самая церемонія брака или вѣрнѣе рѣшительный моментъ его, дающій жениху полныя права на невѣсту и позволяющій увезти ее съ собою, состоитъ въ обрядѣ „хватанья", упоминаемомъ всѣми цитированными нами авторами, но описываемомъ ими не всегда одинаково. Большинство авторовъ описываютъ его такъ: на невѣсту надѣваютъ нѣсколько особенно крѣпкихъ одеждъ, опутываютъ ремнями и отдаютъ подъ охрану подругъ и родственницъ. Женихъ долженъ подстеречь удобный моментъ, напасть на невѣсту, разорвать на ней одежду и дотронуться до голаго тѣла. Разъ попытка удалась, этимъ все кончено, и ничего больше отъ жениха не требуется, но довести до успѣшнаго окончанія дѣло очень не легко. Женщины, охраняющія невѣсту, набрасываются на жениха, бьютъ его, царапаютъ лицо, таскаютъ за волосы и подвергаютъ другимъ истязаніямъ, такъ что въ концѣ концовъ измученный женихъ иногда такъ и не доводитъ до конца своей попытки.

Кеннанъ описываетъ обрядъ хватанія иначе: въ назначенный день въ юрту собираются приглашенные родственники и гости, затѣмъ подъ аккомпаниментъ бубна и пѣнія невѣста начинаетъ бѣ-

---

[1]) *Іохельсонъ*, По рѣкамъ Ясачной и Корководаву. (Изв. Геогр. Общ., т. XXXIV, вып. 3-й, стр. 270).

[2]) *Богородскій*, стр. 109.—*Дитмаръ*, стр. 25—„Западный берегъ Камчатки". Зап. Гидр. Деп. X, стр. 154.

[3]) „Описаніе народовъ" и т. д. Рос. Маг. 1792 г., стр. 395.

[4]) *Крашенинниковъ*, II, стр. 163.

гать кругомъ юрты, перебѣгая изъ полога въ пологъ; женихъ преслѣдуетъ ее, но у каждаго полога стоитъ нѣсколько женщинъ, вооруженныхъ ивовыми и ольховыми прутьями. Онѣ всячески стараются помѣшать жениху, подставляютъ ему ноги, опускаютъ передъ нимъ занавѣсъ полога и тѣмъ временемъ бьютъ его прутьями по самымъ чувствительнымъ мѣстамъ тѣла. Разумѣется, что при такихъ препятствіяхъ женихъ не могъ бы догнать невѣсты, но въ послѣднемъ пологѣ она останавливается и тамъ позволяетъ настичь себя. Дьячковъ добавляетъ, что послѣ того, какъ женихъ догналъ невѣсту, онъ долженъ разорвать на ней одежду и дотронуться до ея тѣла.

О *камчадалахъ* наши главные источники, Крашенинниковъ и Штеллеръ, даютъ показанія, различныя въ нѣкоторыхъ очень существенныхъ отношеніяхъ. Оба автора согласны въ томъ, что женихъ долженъ отработать будущему тестю за невѣсту, и обязательность такой отработки, т. е. невозможность замѣны ея выкупомъ, особенно точно выражена у Штеллера въ словахъ: „Wenn jemand von den Itälmenen heyrathen will, so kann er auf keine andere Art zu einer Frauen kommen, als er muss sie dem Vater abdienen". Затѣмъ оба автора одинаково указываютъ, что главной и безусловно обязательной брачной церемоніей является „хватаніе" невѣсты, происходящее совершенно такъ же, какъ у коряковъ, т. е. женихъ нападаетъ на закутанную невѣсту и старается разорвать на ней одежду, а въ это время его самого бьютъ и подвергаютъ всяческимъ истязаніямъ женщины. Расходятся между собой Штеллеръ и Крашенинниковъ въ томъ, что, по утвержденію перваго, мужъ послѣ хватанья навсегда поселялся въ домѣ жены („sobald aber der Bräutigam seine Braut hatte, so musste er forthin die seinigen verlassen und bey dem Schwiegervater auf ewig in dem Ostrog wohnen", тогда какъ Крашенинниковъ говоритъ: „кто схватаетъ невѣсту, то въ слѣдующую ночь приходитъ къ ней невозбранно, на другой день увозитъ ее въ свой острожекъ безъ всякихъ церемоній". Мнѣ кажется, что это противорѣчіе между обоими авторами можно объяснить тѣмъ, что Штеллеръ описываетъ болѣе древній бытъ, Крашенинниковъ же рисуетъ уже измѣнившійся подъ русскимъ вліяніемъ строй. Основаніе для такого предположенія даетъ самъ Штеллеръ, у котораго мы встрѣчаемъ такую фразу: „weil sie selten ihre Töchter ehedem an andere in fremde

Ostrogen verheyrathet, dass sie mit dem Manne ziehen und wohnen können. Вполнѣ возможно также, что начавшееся подъ русскимъ вліяніемъ разложеніе стариннаго камчадальскаго быта шло не вездѣ съ одинаковой быстротой, а потому, можетъ быть, наши авторы описываютъ и одновременныя семейныя отношенія, но существовавшія въ различныхъ мѣстахъ. Во всякомъ случаѣ трудно предположить прямую ошибку какъ со стороны Крашенинникова, такъ и со стороны Штеллера.

Да если бы у насъ и отсутствовало совсѣмъ описаніе Штеллера, одного разсказа Крашенинникова было бы достаточно, чтобы допустить, что и у камчадаловъ нѣкогда мужъ навсегда входилъ въ семью жены. Помимо обязательной отработки, не налагающей на отца невѣсты никакихъ обязательствъ, за это говорятъ нѣкоторыя мелкія подробности, сообщаемыя Крашенинниковымъ. Непосредственно послѣ хватанія не бываетъ никакихъ религіозныхъ церемоній, въ которыхъ можно было бы видѣть санкціонированіе или, по крайней мѣрѣ, благословленіе брака. Такія церемоніи происходятъ уже спустя нѣкоторое время послѣ брака, и весьма любопытно, что онѣ происходятъ въ домѣ тестя, куда молодые пріѣзжаютъ спеціально ради этого. Между прочимъ во время соотвѣтственнаго празднества молодой топитъ въ юртѣ тестя печь, стряпаетъ, правда изъ своихъ продуктовъ, и угощаетъ гостей. Когда гости разъѣдутся, молодые еще нѣсколько времени остаются у тестя и работаютъ на него [1]).

„Хватаніе" невѣсты въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ у коряковъ и камчадаловъ, обыкновенно считаютъ одной изъ разновидностей символическаго похищенія невѣсты. Если это предположеніе дѣйствительно вѣрно, то мы наталкиваемся на затрудненіе, какъ объяснить одновременное существованіе у камчадаловъ переселенія мужа въ домъ жены навсегда и символическое похищеніе невѣсты. Можно было бы думать, что такіе обычаи взаимно исключаютъ другъ друга, и дѣйствительно по даннымъ Тэйлора [2]) выходитъ, что они встрѣчаются вмѣстѣ въ крайне рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Разъ подобныя исключенія вообще

---

[1]) *Крашенинниковъ*, II стр. 120—124.—*G. W. Steller*, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, pp. 210, 343—345.

[2]) *Тэйлоръ*, О методѣ изслѣдованія развитія. Этн. Об. V, стр. 17—18.

существуютъ, возможно, конечно, что и у камчадаловъ мы встрѣчаемся съ однимъ изъ нихъ, и, быть можетъ, „хватаніе“ невѣсты заимствовано камчадалами у коряковъ, у которыхъ существованіе его не вызываетъ никакихъ недоумѣній, такъ какъ здѣсь женихъ, въ концѣ концовъ, уводитъ невѣсту къ себѣ въ домъ и „хватаніе“ можно считать пріуроченнымъ именно къ моменту такого увода. Но мнѣ кажется, что „хватаніе“ возможно объяснять и нѣсколько иначе, и я позволю себѣ высказать свое мнѣніе въ видѣ предположенія.

Какъ извѣстно, у многихъ народовъ существуетъ обычай, согласно которому молодые люди, достигнувъ зрѣлаго возраста, подвергаются цѣлому ряду тяжелыхъ и мучительныхъ истязаній. Относительно смысла этихъ истязаній можно пока строить только различныя мало убѣдительныя предположенія, но существованіе самаго этого обычая не подлежитъ никакимъ сомнѣніямъ. Близкую внутреннюю связь съ нимъ, повидимому, имѣетъ и обычай, требующій подвергать истязаніямъ вождя или царька при вступленіи его въ должность; при чемъ, соотвѣтственныя истязанія замѣняютъ собою коронаціонный обрядъ. Съ другой стороны, въ своей статьѣ „Нѣсколько словъ о кувадѣ“ [1]) я старался доказать, что и значительная часть явленій, регистрируемыхъ обыкновенно подъ рубрикой „кувады“ или „мужскихъ родовъ“, на самомъ дѣлѣ, вполнѣ аналогична истязаніямъ молодыхъ людей при достиженіи зрѣлаго возраста. Вся разница между обѣими явленіями сводится лишь къ тому, что въ одномъ случаѣ истязанія пріурочены къ моменту достиженія физической зрѣлости, въ другомъ къ моменту рожденія перваго ребенка. Такъ вотъ я и думаю, что, можетъ-быть, и коряцко-камчадальское „хватаніе“ невѣсты тоже аналогично этимъ обычаямъ, съ той особенностью, что истязанія здѣсь пріурочены къ моменту начала супружескихъ отношеній между женихомъ и невѣстой, т. е. къ моменту вступленія въ бракъ. Иными словами, главная суть „хватанія“, по моему мнѣнію, состоитъ вовсе не въ насильственномъ овладѣніи невѣстой, дающемъ право на нее, а въ истязаніяхъ жениха женщинами, которыя пріурочены къ моменту женитьбы и которыя женихъ долженъ выдержать съ честью. Въ пользу этого предположенія говорятъ нѣкоторыя подробности

---

[1]) Этн. Обозр., XLIV, pp. 97—102.

хватанія; съ одной стороны, оно требуетъ предварительнаго согласія отца невѣсты, такъ что не представляетъ дѣйствительнаго насилія надъ дѣвушкой, съ другой же стороны оно и не простой символъ, такъ какъ жениху приходится преодолѣвать весьма упорное сопротивленіе и не столько невѣсты, что еще было бы понятно, сколько женщинъ, карауліщихъ ее. Жениху часто приходится испытать неудачу въ своемъ предпріятіи, а иногда онъ и совсѣмъ оказывается вынужденнымъ отказаться отъ невѣсты.

У *куриловъ* бракъ и семья, по словамъ Крашенинникова, были въ общемъ схожи съ камчадальскими, но имѣлось и одно интересное отличіе. „Женъ, говоритъ Крашенинниковъ, имѣютъ по двѣ и по три, и вмѣстѣ съ ними никогда не спятъ, но въ ночное время приходятъ къ нимъ какъ бы украдкою, по примѣру татаръ магометанскаго закона, кои къ невѣстамъ своимъ приходятъ акп бы тайно, пока калыму не заплатятъ по договору“ [1]). А. Полонскій говоритъ то же самое, но въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ: „Женъ имѣли по двѣ и болѣе, и какъ онѣ спали вмѣстѣ, то мужъ приходилъ къ которой нибудь по своему желанію украдкой и раздѣлялъ съ нею ложе“. Впрочемъ вполнѣ возможно, что и Полонскій просто перефразируетъ здѣсь въ неточныхъ выраженіяхъ слова Крашенинникова, такъ какъ первый вообще широко пользуется показаніями второго. У Полонскаго же мы находимъ и такое сообщеніе: „При женитьбѣ было въ обыкновеніи хватать невѣсту. Обычай этотъ, общій съ камчадалами до принятія ими христіанства, у курильцевъ былъ выгоднѣе тѣмъ, что женихъ, во избѣжаніе потасовки отъ женщинъ во время хватанія, могъ, уговорившись съ невѣстою, увезти ее тайкомъ на другой островъ“ [2]). Къ сожалѣнію, на основаніи этого отрывочнаго указанія нельзя придти ни къ какимъ опредѣленнымъ выводамъ относительно взаимоотношеній между „хватаніемъ“ невѣсты и ея тайнымъ увозомъ, т. е. нельзя сказать, служитъ ли увозъ замѣной „хватанія“, болѣе или менѣе равнозначущей послѣднему, что, конечно, опровергало бы наше мнѣніе о значеніи этого обычая — или же увозъ представляетъ лишь средство обойти тяжелый обычай и, такъ сказать, его нарушеніе.

---

[1]) *Крашенинниковъ*, II, стр. 183.

[2]) *А. Полонскій*, Курилы. Зап. Геогр. Общ по отд Этногр., т. IV, стр 382.

Такимъ образомъ характерными чертами прошлой, а отчасти и настоящей семьи инородцевъ прежняго сѣверо-востока Сибири будутъ: переселеніе мужа въ домъ жены, мирный характеръ брака и нѣкоторое пристрастіе къ эндогаміи. Впрочемъ, относительно камчадаловъ Крашенинниковъ говоритъ, что они берутъ женъ обыкновенно изъ другихъ остроговъ [1]). Въ связи съ этими чертами, можетъ быть, находится и сравнительно высокое положеніе женщины у нѣкоторыхъ изъ данныхъ инородцевъ. Про камчадаловъ Штеллеръ прямо говоритъ, что у нихъ женщины верховодятъ мужчинами [2]).

II.

Когда въ бракѣ главную роль играетъ уплата калыма, женихъ пріобрѣтаетъ полныя права на невѣсту только съ тѣхъ поръ, какъ онъ внесъ будущему тестю всю условленную сумму деньгами, скотомъ или какими-либо другими товарами. Только тогда женихъ получаетъ право увезти невѣсту въ свой домъ или въ домъ своего отца. Несмотря на это, извѣстная близость въ отношеніяхъ между женихомъ и невѣстой возникаетъ еще задолго до окончательной уплаты калыма. Когда сватовство окончательно принято и особенно когда уже послѣдовала уплата хотя бы нѣкоторой части калыма, женихъ имѣетъ право посѣщать невѣсту и, какъ выражаются старинные русскіе путешественники XVIII вѣка, ходить къ ней за пазуху.

Такое явленіе можетъ показаться съ перваго взгляда крайне простымъ и вполнѣ естественнымъ. Уплата калыма затягивается на нѣсколько лѣтъ, но молодость не ждетъ и беретъ свое окольными путями. Свиданія жениха съ невѣстой оказываются не такими невинными, какими имъ слѣдовало бы быть, но родители невѣсты, зная этотъ фактъ, предпочитаютъ смотрѣть на него сквозь пальцы, будучи увѣрены, что преждевременное сближеніе жениха и невѣсты все равно закончится въ свое время бракомъ, ручательствомъ котораго служитъ помимо всего прочаго уже уплата женихомъ части калыма. Къ тому же у большинства инородцевъ дѣвушки пользуются большой свободой въ половомъ отношеніи и потеря цѣломудрія не служитъ помѣхой для вступленія въ бракъ.

---

[1]) *Крашенинниковъ*, II стр. 120.

[2]) *Steller*, pp. 254, 227.

Все это слишкомъ просто, естественно, такъ что казалось бы нечего и задумываться надъ происхожденіемъ обычая „хожденія за пазуху“ и тѣмъ болѣе пользоваться имъ для выясненія прежнихъ формъ семьи и брака. Но на самомъ дѣлѣ вопросъ этотъ не такъ простъ, въ чемъ легко убѣдиться, обратившись къ болѣе подробнымъ описаніямъ брачныхъ обрядовъ у тѣхъ народовъ, которые допускаютъ интимное сближеніе между женихомъ и невѣстой до брака. Чуть ли не наиболѣе характернымъ примѣромъ можетъ послужить для насъ описаніе брака у *киргизовъ*, на которомъ мы и остановимся поподробнѣе, тѣмъ болѣе, что тутъ мы имѣемъ не одно, а нѣсколько весьма обстоятельныхъ описаній, рисующихъ подробную картину и по своей точности не оставляющихъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ и недоразумѣніямъ.

Когда сватовство уже окончательно состоялось и уже внесена часть калыма, женихъ отправляется на свиданіе къ невѣстѣ. Ѣдетъ онъ не одинъ, а въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей, и везетъ съ собой цѣлый рядъ подарковъ, предназначенныхъ различнымъ лицамъ изъ числа ея родственниковъ и односельцевъ. Не доѣзжая нѣкотораго разстоянія до аула невѣсты, женихъ останавливается и прячется, его же товарищи везутъ родителямъ невѣсты подарки. Между тѣмъ о пріѣздѣ жениха узнаютъ „джинан“ (собственно снохи, а вообще, ближайшія замужнія родственницы невѣсты). Онѣ разбиваютъ для жениха особую маленькую кибитку въ отдаленіи и приводятъ туда жениха, за что и получаютъ подарки. У родителей невѣсты между тѣмъ устраивается пиръ, на которомъ не присутствуютъ ни женихъ, ни невѣста, уходящая на это время въ кибитку ближайшаго родственника, *булунъ-уй*. За укрывательство у себя невѣсты этотъ родственникъ получаетъ отъ ея родителей особый подарокъ, *кызъ-кашаръ*, доставляемый, впрочемъ, женихомъ. Поздно вечеромъ, по окончаніи пира, джинан стелютъ въ кибиткѣ тестя около двери постель для жениха и невѣсты и отправляются за невѣстой. Невѣста должна оказать притворное сопротивленіе и часть гостей помогаетъ ей защищаться отъ джинаи, но въ концѣ концовъ послѣднія, разумѣется, побѣждаютъ и водворяютъ невѣсту въ отцовскую кибитку. Тесть и теща въ это время уже спятъ или, вѣрнѣе, дѣлаютъ видъ, что спятъ, и вотъ джинан со всякаго рода мѣрами предосторожности приводятъ жениха къ невѣстѣ. Дорогой ему встрѣчаются разныя

препятствія; одна изъ джинаи становится на четвереньки и изображаетъ собаку, ворча и хватаясь зубами за платье жениха; ей требуется дать подарокъ; другая мычитъ по-коровьему и тоже получаетъ подарокъ; третья просто ложится поперекъ дороги и изображаетъ мертвую и т. д. и т. д.; подарковъ жениху приходится раздавать великое множество. Наконецъ, женихъ достигаетъ невѣсты, заставляетъ подарками всѣхъ джинаи уйти прочь и остается съ невѣстой наединѣ. Рано утромъ женихъ тайкомъ и со всякими предосторожностями уходитъ въ свою кибитку. Въ аулѣ невѣсты онъ остается дней 10—15 и въ это время каждую ночь видится наединѣ съ невѣстой или въ кибиткѣ ея родителей или въ своей кибиткѣ. Впослѣдствіи женихъ еще пріѣзжаетъ нѣсколько разъ на свиданіе съ невѣстой въ ея аулъ. Количество этихъ пріѣздовъ зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ: отъ разстоянія, отъ средствъ жениха, отъ времени остающагося до свадьбы и т. д [1]).

Какъ видимъ, у киргизовъ добрачное сближеніе жениха съ невѣстой отнюдь не является вынужденной уступкой обстоятельствамъ, отступленіемъ отъ должнаго порядка вещей. Сближеніе

---

[1]) *П.*, Обычаи киргизовъ Семипалатинской области. Руск. Вѣстн. 1878 г. 9, стр. 32—37—*Ѳ. Л-ій*, Свадебные обряды у киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства. Моск. Вѣд. 1862 г., № 151—*П. Е. Маковецкій*, Матерьялы для изученія юридическихъ обычаевъ киргизовъ, стр. 16—19—*Х. Бустанаевъ*, Этнографическіе очерки киргизъ Перовскаго и Казалинскаго уу., стр. 27—29—*М. А. Леванёвскій*, Очерки киргизскихъ степей (Эмбенскаго у.) Землевѣд. 1895 г., кн. 2—3, стр. 78—79—*А. А. Диваевъ*, О свадебномъ ритуалѣ киргизовъ Сыръ-Дарьинской области, стр. 17—18.—*Поспѣловъ и Бурнашевъ*, Поѣздка въ Ташкентъ въ 1800 г. Вѣстн. Геог. Общ. 1851 г., т. I., стр. 8—*А. Левшинъ*, Описаніе киргизъ-казачьихъ ордъ и степей, т. III, стр. 100—102. *Алтынсаринъ*, Очеркъ обычаевъ при сватовствѣ и свадьбѣ у киргизовъ Оренбургскаго вѣд. Зап.-Оренб. отд. Геогр. об. I, 107—III стр.—*Вл. Плотниковъ*, Замѣчанія на статью г. Алтынсарина. Зап. Оренб. отд., I стр., 129—133.—*Н. Изразцовъ*, Обычное право киргизовъ Семирѣченской области. Этн. Об. XXXIV, стр. 74—*Н. Гродековъ*, Киргизы и каракиргизы Сыръ-Дарьинской области, стр. 63—65. *Radloff*, Aus Sibirien, I, S. 477.—Главнымъ образомъ я пользовался сообщеніями гг. П. и Ѳ. Л-аго; впрочемъ по существу разногласій между отдѣльными авторами нѣтъ, а различія въ деталяхъ вполнѣ объяснимы мѣстными условіями. Самое существенное, на мой взглядъ, различіе состоитъ въ томъ, что, по утвержденію Левшина, Диваева и Изразцова, невѣсту приводятъ въ кибитку жениха, а не женихъ въ юрту невѣсты, по словамъ же Гродекова первое свиданіе (орунтой) происходитъ въ кибиткѣ старшаго брата невѣсты.

эго обставлено тутъ очень сложными и разнообразными церемоніями и представляетъ прочный и твердоукоренившійся обычай, составляющій очень существенную часть брачнаго ритуала, можетъ быть, даже центральный его моментъ. Въ записанномъ г. Диваевымъ со словъ самихъ киргизовъ описаніи киргизскихъ свадебныхъ обрядовъ посѣщеніямъ женихомъ невѣсты отведено главное мѣсто, изъ чего видно, что эта сторона имѣетъ существенно важное значеніе въ глазахъ самихъ киргизовъ. О. Л-ій выражается такъ: „Важнѣйшую часть свадебныхъ обрядовъ у Киргизовъ составляетъ договоръ о количествѣ калыма за невѣсту, уплата его и слѣдующія затѣмъ свиданія жениха съ невѣстою, оканчивающіяся брачною молитвою", а у. г. П. мы находимъ такую фразу: „до оффиціальнаго пріѣзда жениха на свиданіе съ невѣстой, равносильнаго нашей свадьбѣ", т. е. и этотъ авторъ видитъ въ этомъ свиданіи существенный элементъ свадебнаго ритуала. Наконецъ Вл. Плотниковъ т же считаетъ этотъ моментъ „весьма важнымъ въ киргизской свадьбѣ".

Такимъ образомъ мы имѣемъ, что посѣщеніе женихомъ невѣсты есть существенно важный *обрядъ*, санкціонированный выработаннымъ ритуаломъ, и одного этого обстоятельства было бы достаточно, чтобы видѣть, что эти посѣщенія не простое сближеніе жениха съ невѣстой, а нѣчто болѣе важное и освященное преданіями старины. Въ этомъ насъ убѣждаютъ еще больше различныя детали, сообщаемыя нашими авторами. Такъ Ѳ. Л-ій говоритъ, что формальный пріѣздъ жениха на свиданіе съ невѣстой стоитъ очень дорого и потому недоступенъ иному бѣдняку. Если же онъ вздумаетъ обойти нужныя церемоніи и сойдется съ невѣстой дѣйствительно тайкомъ при посредствѣ какой нибудь услужливой родственницы, то, разъ это станетъ извѣстно, ему придется поплатиться за тайныя свиданія собственными боками. Этотъ фактъ кажется мнѣ особенно краснорѣчивымъ, такъ какъ ясно показываетъ, что интересующій насъ обрядъ не представляетъ собою замаскированнаго факта простого сближенія между женихомъ и невѣстой. Другіе авторы тоже указываютъ, что свиданія невѣсты, до перваго оффиціальнаго тайнаго свиданія, подлежатъ наказанью [1]).

[1]) *Алтынсаринъ*, стр. 108.—*Л. Баллюзекъ.* Народные обычаи, имѣвшіе, а отчасти и нынѣ имѣющіе въ Малой Киргизской ордѣ силу закона. Зап. Оренб. отд. II, стр. 81.

Далѣе тотъ же самый О. Л-ій говоритъ: „Вслѣдъ за сватовствомъ взять жену, выражаясь нашимъ языкомъ, жениться, неприлично: нужно подождать по крайней мѣрѣ годъ. Чѣмъ долѣе сосватанная дѣвушка живетъ въ домѣ отца и матери, тѣмъ болѣе это льститъ семейному самолюбію ихъ". Это указаніе наводитъ насъ на мысль, что, можетъ быть, уплата калыма растягивалась на долгій срокъ не только въ силу затруднительности уплатить сразу крупную сумму, и что родители удерживали дочь у себя не изъ за одной неуплаты калыма. Послѣднее заключеніе подтверждается словами П. Е. Маковецкаго (стр. 16), который говоритъ, что тайныя посѣщенія женихомъ невѣсты начинаются по уплатѣ *всего* калыма, когда, казалось бы, женихъ прямо можетъ перевезти невѣсту въ свой домъ. Х. Кустанаевъ тоже говоритъ, что женихъ пріѣзжаетъ на первое свиданіе съ невѣстой, „уплативъ весь калымъ или извѣстную его часть" (стр. 27).

Посѣщенія женихомъ невѣсты настолько стали *обрядовымъ* учрежденіемъ, т. е. настолько вошли въ народное сознаніе, какъ нѣчто обычное и должное, что киргизское право придаетъ этому моменту существенное значеніе въ рѣшеніи тяжбъ изъ калыма, возникающихъ вслѣдствіе преждевременной смерти жениха или невѣсты. Такъ А. И. Левшинъ указываетъ, что, въ случаѣ смерти жениха или невѣсты, изъ уплаченнаго калыма возвращалось $^1/_5$, если женихъ не имѣлъ тайныхъ свиданій съ невѣстой, и только $^1/_2$, разъ эти свиданія уже начались (Ш, стр. 102). По словамъ П. Е. Маковецкаго, жениху, имѣвшему съ невѣстой тайныя свиданія, въ случаѣ смерти невѣсты возвращается не весь уплаченный калымъ, а только половина его; если же онъ женится на младшей сестрѣ покойной невѣсты, то долженъ сдѣлать къ калыму извѣстную приплату (стр. 9). По указаніямъ Л. Баллюзека, женихъ, отказавшійся отъ невѣсты до тайныхъ свиданій, просто лишается калыма, отказъ же послѣ урунъ-келю влечетъ за собой кромѣ того уплату штрафа. Точно также въ случаѣ смерти невѣсты до урунъ-келю возвращается весь калымъ, послѣ же урунъ-келю только часть. Если умершая невѣста замѣняется сестрой, то женихъ къ условленному прежде калыму долженъ еще нѣсколько добавить, разъ онъ уже имѣлъ тайныя свиданія съ невѣстой (стр. 86—88). Эти факты показываютъ, что обычное право видитъ въ посѣщеніяхъ женихомъ невѣсты уже начало брака и смотритъ

на молодыхъ людей, какъ на мужа и жену. А что часть калыма все же возвращается, это обстоятельство не должно насъ смущать, такъ какъ намъ извѣстны изъ этнографіи случаи, что ранняя смерть жены влечетъ за собой возвращеніе мужу части калыма [1].

Серьезное значеніе имѣетъ также и то обстоятельство, что обычное право требуетъ, чтобы женихъ при посѣщеніяхъ невѣсты не переходилъ дальше извѣстныхъ границъ и не вступалъ въ супружескія отношенія съ невѣстой. Такое требованіе существуетъ по крайней мѣрѣ въ теоріи, хотя на практикѣ оно не соблюдается строго. Левшинъ говоритъ, что если невѣста забеременѣетъ отъ жениха, родители стараются какъ можно скорѣе совершить свадьбу, не дожидаясь даже полной уплаты калыма (III, стр. 103). А. А. Диваевъ (стр. 18—20) и Н. И. Гродековъ (стр. 63) просто отмѣчаютъ, что супружескія отношенія между женихомъ и невѣстой при свиданіяхъ не допускаются. Ѳ. Л-ій (№ 151) тоже подтверждаетъ это и сообщаетъ, что если невѣста окажется беременной, всѣ мѣры принимаются къ тому, чтобы вызвать выкидышъ или скрыть ребенка; иначе весь родъ невѣсты покрывается позоромъ. Разъ тестю стало извѣстно, что женихъ сошелся съ невѣстой, первый бьетъ послѣдняго нагайкой, прогоняетъ его изъ аула, распарываетъ его лошади брюхо, калымъ же остается въ пользу обезчещенной дѣвушки. Прежде же виновнаго жениха наказывали смертью. Г. П. (стр. 36) говоритъ, что хотя женихъ съ перваго же свиданія пользуется всѣми правами мужа, но тѣмъ не менѣе для невѣсты считается очень позорнымъ забеременѣть и, во избѣжаніе этого, употребляется настой изъ какихъ-то травъ. Тотъ же г. П. (стр. 37) и П. Е. Маковецкій (стр. 18) сообщаютъ, что при первомъ свиданіи съ невѣстой женихъ иногда ограничивается тѣмъ, что пожимаетъ невѣстѣ руку черезъ рѣшетку кибитки и гладитъ ее по головѣ. Наконецъ, въ Сборникѣ Самоквасова мы находимъ такое мѣсто, подтверждающее слова О. Л-аго: „Если женихъ блудъ сдѣлаетъ съ невѣстою своею прежде брака, то порютъ брюхо у

---

[1]) У гиляковъ (*Л. Штернбергъ*, Сахалинскіе гиляки. Этн. Об. XVII, стр.). У американскаго племени kliketat въ подобномъ случаѣ возвращается даже весь калымъ. (*Letourneau*, L'evolution du mariage et de la famille, p. 313). У вазарамо, ваніамвези, у кафровъ и у амакоза бездѣтная смерть жены даетъ мужу право требовать возвращенія калыма (*A. H. Post*, Afrikanische Jurisprudenz, I, s. 431) и т. д.

лошади, на которой онъ пріѣхалъ, и рѣжутъ на немъ лучшую одежду; лошадь сія отдается въ пищу однѣмъ порочнымъ женщинамъ“ [1]).

Всѣ приведенные факты позволяютъ, какъ мнѣ кажется, сдѣлать слѣдующій выводъ: посѣщеніе женихомъ невѣсты у киргизовъ имѣетъ очень серьезное обрядовое значеніе и признается обычнымъ правомъ, до извѣстной степени, какъ уже завершившійся бракъ. Въ то же время эти посѣщенія не являются невольнымъ сближеніемъ молодыхъ людей, обусловленнымъ продолжительнымъ ожиданіемъ уплаты калыма, хотя, несомнѣнно, свиданія жениха съ невѣстой символизируютъ супружескія отношенія между ними. Такъ какъ свиданія эти происходятъ въ юртѣ родителей невѣсты и совершаются какъ бы тайкомъ и скрытно отъ тестя и тещи, то я думаю, что свиданія эти являются переживаніемъ старины, когда всѣ супружескія отношенія сводились къ посѣщеніямъ мужемъ жены въ домѣ родителей и къ болѣе или менѣе продолжительному пребыванію его тамъ. Что эти посѣщенія не должны были быть непремѣнно слишкомъ короткими, на это указываетъ сообщеніе г. П., что женихъ остается въ юртѣ, живетъ иногда по нѣскольку дней, помѣщаясь тамъ за занавѣсью, отдѣляющею постель невѣсты отъ остальной кибитки и тщательно избѣгая встрѣчъ съ тестемъ и тещей (стр. 36). Это сильно напоминаетъ отдѣльные пологи у юкагирскихъ дѣвушекъ, гдѣ онѣ принимаютъ своихъ возлюбленныхъ.

Вотъ еще нѣкоторыя подробности, говорящія въ пользу моего предположенія. Послѣдній актъ киргизскаго свадебнаго ритуала, содержащій въ себѣ, между прочимъ, и религіозную и юридическую санкцію брака, носитъ названіе *узатар-той*, пиръ проводовъ (Диваевъ, стр. 18) или *узататупн-той*, отпускной пиръ (Гродековъ, стр. 66), что какъ бы указываетъ на то, что этотъ актъ нуженъ не для того, чтобы дать жениху супружескія права на невѣсту, а для того, чтобы дать ему право увезти ее къ себѣ въ домъ. Далѣе съ тѣхъ поръ, какъ закончено сватовство, и до послѣдняго момента свадьбы, т.-е. все то время, которое символизируетъ эпоху проживанія мужа въ домѣ тестя, женихъ дол-

---

[1]) *Д. Я. Самоквасовъ*. Сборникъ сибирскаго права сибирскихъ инородцевъ, стр. 264.

женъ избѣгать всякихъ встрѣчъ съ тестемъ [1]), а между тѣмъ Тэйлоръ указываетъ, что подобныя отношенія между зятемъ и тестемъ тѣсно связаны съ проживаніемъ зятя въ домѣ тестя [2]). Наконецъ, одинъ изъ нашихъ авторовъ говоритъ: „Послѣ перваго посѣщенія невѣсты женихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ получаетъ право всегда видѣть ее наединѣ и потому оставляетъ въ ея аулѣ бѣлый шатеръ свой до свадьбы" [3]). Тутъ мы прямо видимъ остатокъ переселенія жениха на продолжительное время въ аулъ тестя.

Въ заключеніе отмѣчу еще одно обстоятельство. Киргизы, какъ извѣстно, довольно строго придерживаются экзогаміи [4]), хотя различные авторы не совсѣмъ одинаково опредѣляютъ, внутри какого круга нельзя брать себѣ жену. Г-жа П. (стр. 23) указываетъ, что внутри рода отношенія между молодежью обоего пола отличаются большою свободою, и дѣвушка должна остерегаться лишь беременности, противъ которой употребляется настой изъ трехъ травъ. Иное дѣло сближеніе съ молодымъ человѣкомъ изъ чужого аула и тѣмъ болѣе изъ чужого рода или волости. На это аульная молодежь смотритъ очень косо, и дѣло нерѣдко кончается убійствомъ. Допуская, что подобное положеніе вещей было характерно для прошлаго киргизскаго общественнаго быта, мы поймемъ, почему чужеродецъ, т. е. теперешній женихъ, долженъ былъ принять такія мѣры предосторожности, чтобы проникнуть тайкомъ въ жилище невѣсты. Враждебность къ представителямъ чужого рода, можетъ быть, выражается въ различныхъ издѣвательствахъ, которымъ подвергаются теперь сваты со стороны женщинъ изъ аула невѣсты [5]). Далѣе мы знаемъ, что теперь одинъ изъ элементовъ послѣдняго заключительнаго акта брака составляетъ символическое похищеніе невѣсты. Она отказывается идти въ кибитку жениха и тѣмъ болѣе покинуть родительскій аулъ, но въ концѣ

[1]) *П. Е. Маковецкій*, стр. 13—*П.*, стр. 36—37—*Ѳ. Л-ій*, № 151.—*Х. Кустанаевъ*, стр. 27. *Алтынсаринъ*, стр. 108. *Л. Баллюзекъ*, стр. 81.

[2]) Этн. Об., V, стр. 3—5.

[3]) *А. Левшинъ*, III, стр. 102.

[4]) *А. Левшинъ*, III, стр. 109—*П. Е. Маковецкій*, стр. 2—*П.*, стр. 23.—*Ѳ. Л-ій*. № 154.—*Н. И. Гродековъ*, стр. 27—28. *П. Изразцовъ* стр. 70—*Алтынсаринъ*, стр. 104.

[5]) *П.* стр. 30—32.—*А. А. Диваевъ*, стр. 16—17.—*М. А. Леваневскій*, страница 76—77.—*П. Е. Маковецкій*, стр. 15.—*Х. Кустанаевъ*, стр. 25—26.—*Л. Баллюзекъ*, стр. 72—73.—*Алтынсаринъ*, стр. 106.

концовъ ея сопротивленіе, разумѣется, преодолѣвается [1]). Въ этомъ обрядѣ тоже можно видѣть переживаніе прошлаго, когда чужеродецъ, ограничивавшійся первоначально тайными посѣщеніями дѣвушки, сталъ потомъ похищать ее и силой перевозить въ свой домъ. Впрочемъ, символическое похищеніе невѣсты существуетъ, можетъ быть, не повсемѣстно у киргизовъ и нѣкоторая неустойчивость его формъ позволяетъ думать, что оно и не было общеобязательнымъ.

III.

У *казанскихъ татаръ* интересующія насъ переживанія прошлаго выступаютъ еще яснѣе, чѣмъ у киргизовъ. Когда калымъ уже уплаченъ и мулла повѣнчалъ молодыхъ и даже записалъ совершившееся бракосочетаніе въ книгу, т. е. когда все, казалось бы, уже кончено,—женихъ еще не беретъ невѣсты въ свой домъ. Въ опредѣленный день послѣ вѣнчанія, на которомъ, кстати сказать, ни женихъ ни невѣста не присутствуютъ, а замѣняются отцами, женихъ въ первый разъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ. Пріѣздъ этотъ обставленъ разными церемоніями и обрядами, но мы упомянемъ только нѣкоторые изъ нихъ. Женихъ остается въ спальнѣ у невѣсты нѣсколько дней и за это время къ нимъ никто не входитъ, кромѣ свахи, подающей все нужное. Утромъ на четвертый день женихъ уѣзжаетъ къ своимъ родителямъ, а вечеромъ невѣста посылаетъ за нимъ лошадь; иначе онъ не пріѣдетъ. У невѣсты онъ остается до утра, а за тѣмъ снова уѣзжаетъ до вечера и т. д. Такой порядокъ продолжается нѣсколько мѣсяцевъ. Все это время женихъ долженъ избѣгать всякихъ встрѣчъ съ тестемъ и тещей до тѣхъ поръ, пока не будетъ устроено особое оффиціальное свиданіе, на которомъ обѣ стороны обмѣниваются подарками. Послѣ этого женихъ можетъ уже не каждую ночь навѣщать невѣсту, но она все таки еще годъ, два, три, иногда даже десять лѣтъ остается въ родительскомъ домѣ. [2]) Можно отмѣтить также, что въ самой

---

[1]) *Ѳ. Л-ій*, № 151.—*М. А. Леваневскій*, стр. 84.—*А. А. Диваевъ*, стр. 19—20.—*П. Е. Маковецкій*, стр. 20—21. — *А. Левшинъ*, III, стр. 104—105 (наиболѣе интересное описаніе).—*Х. Кустанаевъ*, стр. 31.—*Алтынсаринъ*, стр. 110.

[2]) *М. И. Пинегинъ*, Свадебные обычаи казанскихъ татаръ. Изв. общ. Арх. Ист. и Этн., т. IX, в. 1-й, стр. 6, 9, 10.

Казани обычай требуетъ, чтобы при первомъ пріѣздѣ жениха брачную постель устраивали жены братьевъ невѣсты, какъ это дѣлаютъ и киргизскія джинаи.

Какъ видимъ, и здѣсь женихъ какъ бы тайкомъ навѣщаетъ невѣсту въ домѣ ея родителей и вступаетъ съ ней въ связь и происходитъ это уже послѣ уплаты калыма и совершенія обряда бракосочетанія. Такимъ образомъ этихъ свиданій нельзя объяснить продолжительной уплатой калыма, и приходится видѣть въ нихъ опять таки остатокъ прошлаго, когда бракъ сводился къ тому, что мужъ навѣщалъ невѣсту въ домѣ ея родителей.

У *вотяковъ* послѣ заключенія свадьбы мужъ отвозитъ жену въ свой домъ, но затѣмъ, спустя нѣкоторое время, она опять переѣзжаетъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ домъ родителей и мужъ можетъ навѣщать ее только тайкомъ по ночамъ. Находясь въ родительскомъ домѣ, она пользуется всѣми правами дѣвушекъ, но отличается отъ нихъ головнымъ уборомъ [1]). Правда, нѣкоторые авторы (Бехтеревъ, Бухъ) указываютъ, что окончательное переселеніе жены въ домъ мужа происходитъ послѣ полной уплаты калыма, но я думаю, что не неуплата калыма заставляетъ жену оставаться такъ долго въ родительскомъ домѣ. Дѣло въ томъ, что сюанъ, или послѣдній свадебный пиръ, послѣ котораго жену окончательно перевозятъ въ домъ мужа, пріуроченъ у вотяковъ къ опредѣленному дню года, именно онъ происходитъ 29 іюня, когда у вотяковъ бываетъ большой праздникъ (Блиновъ, Бухъ, Верещагинъ, Богаевскій) или (въ Казанской губ.) на масляницѣ (Багинъ), равно какъ къ опредѣленнымъ днямъ пріурочены и всѣ предыдущіе моменты свадьбы. Въ виду этого мнѣ кажется, что не сюанъ стоитъ въ зависимости отъ уплаты калыма, а, наоборотъ, уплата калыма пріурочена къ сюану и представляетъ плату за право увезти женщину изъ родительскаго дома. Существованіе экзогаміи у вотяковъ сомнительно; М. Бухъ (стр. 50) и В. Бехтеревъ (В. Е., 80 г., 9, стр. 142)

---

[1]) *С. Багинъ.* Свадебные обряды и обычаи Вотяковъ Казанскаго уѣзда. Этн. Об. XXXIII, стр. 86—87. —*В. Бехтеревъ.* Вотяки. Вѣст. Евр. 1880 г., 9, стр. 141, 147. —*М. Блиновъ.* Камско-Воткинскій заводъ и тамошніе Вотяки. Журн. Мин. Вн. Д. 1855 г. 3, стр. 63. —*M. Buch.* Die Wotjäken. S. 50—51, 56, 60 — *Гр. Верещагинъ.* Вотяки Сосновскаго края. Зап. Геогр. общ. по отд. этн., т. XIV, вып. 2, стр. 24. —*Гр. Верещагинъ.* Вотяки Сарапульскаго у. Зап. Геогр. Общ. по отд. Этн., т. XIV, вып. 3-й, стр. 124—128. *Н. М. Богаевскій.* Очеркъ

правда говорятъ, что невѣсту берутъ всегда изъ чужой деревни. Вл. Шестаковъ упоминаетъ, что вотякъ „рѣдко" выбираетъ себѣ невѣсту въ собственной деревнѣ (102), но Н. М Богаевскій (стр. 55) отрицаетъ это и указываетъ, что сватаютъ невѣстъ безразлично и въ своей и въ чужой деревнѣ. Обряды, аналогичные символическому похищенію невѣсты, встрѣчаются, но пріурочены не вездѣ къ одному моменту: Гр. Верещагинъ (Вот. Сосн. кр., стр. 25 — Вот. Сарап. у., стр. 127) пріурочиваетъ ихъ къ сюану, а В. Бехтеревъ (стр. 143, 146) къ моменту перваго временнаго переѣзда жены въ домъ мужа.

У *туркменовъ* жена послѣ свадьбы проводитъ нѣсколько дней у мужа, а затѣмъ снова возвращается въ кибитку своихъ родителей и остается тамъ годъ, два или болѣе, пока не будетъ уплаченъ весь причитающійся за нее калымъ. Свиданія ея съ женихомъ по ночамъ строго запрещены, потому что въ случаѣ беременности она немедленно должна была бы переѣхать къ мужу, хотя бы и не весь калымъ былъ уплаченъ [1]).

У очеульскихъ и тутурскихъ *тунгусовъ* жена послѣ свадьбы иногда возвращается въ родительскій домъ на заранѣе опредѣленный срокъ [2]), но дальнѣйшихъ подробностей объ этомъ мы не имѣемъ.

Въ одномъ старинномъ описаніи *бурятовъ*, составленномъ въ 1789 г., я нашелъ такое указаніе: послѣ свадьбы жена проводитъ мѣсяцъ у мужа, а затѣмъ мужъ отпускаетъ ее на полгода къ родителямъ и въ это время самъ не можетъ къ ней ѣздить [3]). М. Хангаловъ тоже упоминаетъ про этотъ обычай. Въ одной статьѣ онъ говоритъ: „Въ настоящее время невѣста пріѣзжаетъ жить въ домъ жениха спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы" [4]), свадьба же бываетъ уже послѣ полной уплаты калыма и справ-

---

быта Сарапульскихъ Вотяковъ. Сборн. матер. по этногр. изд. при Дашк. муз. т. III, стр. 57—*Вл. Шестаковъ.* Глазовскій уѣздъ. Вѣст. Геогр. Общ. 1859 г. № 7, стр. 103.

[1]) *Бар. К. Боде,* О туркменскихъ поколѣніяхъ: Ямудахъ и Гокланахъ. Зап. Геогр. Общ., II, стр. 229—*О. А. Михайловъ,* Туземцы Закаспійской области стр. 53—54.—*А. Вамбери,* Путешествіе по средней Азіи, стр. 268.

[2]) *Н. Кларкъ,* Очеульскіе и тутурскіе тунгусы въ Верхоленскомъ округѣ. Зап. Сиб. отд. Геогр. общ., VI, стр. 95.

[3]) *Ланганс,* Буряты или Братскіе. Спб. Вѣстн. 1824 г. т. I, стр. 59.

[4]) *М. Хангаловъ,* Нѣсколько данныхъ для характеристики быта сѣверныхъ Бурятъ. Эти. Об. X, стр. 161.

ляется въ домѣ жениха, а въ другой статьѣ, описавъ самую свадьбу и послѣдовавшій за нею пиръ и другія увеселенія, онъ добавляетъ: „невѣста иногда остается въ домѣ свекра, а большею частью уѣзжаетъ обратно домой... Невѣста на житье къ жениху пріѣзжаетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или черезъ годъ и болѣе, смотря по обстоятельствамъ“ [1]). Къ сожалѣнію, М. Хангаловъ ни въ одной статьѣ не упоминаетъ о томъ, въ какихъ отношеніяхъ стоятъ другъ къ другу мужъ и жена, пока она живетъ у родителей, т. е. можетъ ли мужъ навѣщать жену, какой степенью свободы при этомъ онъ пользуется, долженъ ли скрываться отъ тестя и тещи и т. д. У Г. Н. Потанина имѣется описаніе свадебныхъ обрядовъ Аларскихъ бурятъ, составленное самими бурятами. Въ этомъ описаніи упоминается, что послѣ вѣнчанія и свадебнаго пира у жениха „вмѣстѣ съ гостями уѣзжаетъ къ своимъ родителямъ и невѣста; вновь къ мужу она пріѣзжаетъ черезъ полгода или ранѣе вмѣстѣ со своими подругами. Проживъ у мужа мѣсяцъ, опять отправляется къ родителямъ, но тогда уже не такъ долго остается у нихъ. Затѣмъ посѣщенія мужа учащаются, и она наконецъ окончательно поселяется въ домѣ мужа“ [2]).

Эти отрывочныя указанія имѣютъ особый интересъ въ виду того, что у унгинскихъ бурятъ есть такое преданіе о происхожденіи свадьбы: „когда Эсэгэ-Малан-тэнгэри высваталъ дочь богатаго Хангая за своего сына, то онъ отвезъ сына къ невѣстѣ, но сынъ постоянно уходилъ домой. Тогда Эсэгэ-Малан-тэнгэри, по совѣту шамана Ноён-Бубея, привезъ невѣсту къ своему сыну и устроилъ первую свадьбу... Тогда невѣста не уходила отъ своего жениха. Съ этого времени невѣсту стали отвозить къ жениху. И у Кудинскихъ бурятъ есть тоже преданіе, что Эсэгэ-Малан-тэнгэри высваталъ своему сыну невѣсту, къ которой отводилъ нѣсколько разъ сына, но сынъ его всегда уходилъ домой. Тогда Эсэгэ-Малан-тэнгэри, по совѣту Заря-Азарга (ежа), привезъ невѣсту и отдалъ сыну и устроилъ свадьбу; невѣста уже не ухо-

---

[1]) *М. Хангаловъ.* Свадебные обряды, обычаи, повѣрья и преданія у Бурятъ Унгинскаго инородческаго вѣдомства Балаганскаго округа. Этногр. Об. XXXVI. стр. 73—74.

[2]) *Г. Н. Потанинъ,* Очерки сѣверо-западной Монголіи, IV, стр. 35—36.

дила отъ мужа. Съ этого времени стали отвозить невѣсту къ жениху, а не жениха къ невѣстѣ, какъ было прежде" [1]).

Въ этомъ преданіи сохранилось отчетливое воспоминаніе о прежнихъ порядкахъ, когда жена оставалась навсегда въ домѣ родителей, а потому можно думать, что теперешнее возвращеніе жены послѣ свадьбы къ родителямъ является символическимъ переживаніемъ прошлаго.

Въ старинныхъ описаніяхъ *якутовъ* мы находимъ слѣдующія подробности объ ихъ свадебныхъ церемоніяхъ. При уплатѣ нѣкоторой части калыма, женихъ пріѣзжаетъ съ ближайшими родственниками къ тестю, но входитъ сперва въ юрту къ нему одинъ и въ дорожномъ платьѣ. Онъ совершаетъ поклоненіе очагу, а въ это время шаманъ бросаетъ въ огонь топленое коровье масло и „оборотясь къ жениху, желаетъ ему жить съ женою мирно, породить многихъ дѣтей и размножить скотоводство". Затѣмъ женихъ выходитъ, снимаетъ съ себя дорожное платье и возвращается вмѣстѣ со своими провожатыми. Онъ садится на невѣстину постель, которая помѣщается за особой загородкой, и старается сидѣть такъ, чтобы его никто не видалъ; поѣзжане же тѣмъ временемъ пируютъ. Невѣста на этотъ день уходитъ въ другую юрту. Послѣ этого пріѣзда женихъ можетъ навѣщать невѣсту, когда вздумается, и пользуется всѣми правами мужа, но увезти ее съ собой можетъ лишь послѣ полной уплаты калыма [2]). У еще болѣе старинпаго автора, Лангавса, встрѣчается такая недостаточно ясная фраза: „Отдавши тестю приведенный скотъ (часть калыма А. М.), зять ночуетъ съ невѣстою у тестя въ головахъ; а поживши трое сутокъ уѣзжаетъ домой. Когда же весь обѣщанный калымъ отдастъ, то невѣсту отецъ ея со сродниками своими къ нему привозятъ" [3]) и, повидимому, эту фразу можно понимать въ томъ смыслѣ, что иногда женихъ вступалъ въ права мужа уже при первомъ пріѣздѣ къ невѣстѣ. Тотъ же авторъ (стран. 147) упоминаетъ, что если мужъ долго не въ состояніи выплатить калыма, жена остается у

---

[1]) *М. Хангаловъ*, Свадебные обряды, etc., стр. 39.

[2]) О происхожденіи, вѣрѣ и обрядахъ Якутовъ. (Любит. Словесн. 1806 г. I, кн. 2) стр. 133—134.—Описаніе Якутовъ, ихъ происхожденіе, населеніе страны Ленской, внутреннее ихъ управленіе, покореніе подъ власть Россіи, благосостояніе, нравы и обычаи. Сѣв. Арх. 1822 г., т. III, кн. 16, стр. 292—294.

[3]) *Лангансъ*, Якуты. Сиб. Вѣстн. 1824 г. III, стр. 146.

родителей, а мужъ можетъ только навѣщать ее; родившіяся въ это время дѣти остаются при матери. Изъ болѣе позднихъ писателей кн. Н. Костровъ тоже говоритъ, что послѣ сватовства женихъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ съ частью калыма и особыми подарками, „которые называются спальными, потому что съ этого времени онъ имѣетъ право спать съ нею". Пріѣздъ этотъ обставленъ цѣлымъ рядомъ особыхъ церемоній, и послѣ того до уплаты женихъ навѣщаетъ невѣсту, когда вздумается, и пользуется всѣми правами мужа [1]). Н. С. Щукинъ описываетъ свадебные обряды якутовъ въ общемъ согласно съ авторами статей въ „Любителѣ Словесности" и въ „Сѣверномъ Архивѣ", но говоритъ, что коровье масло бросаетъ въ огонь не шаманъ, а самъ женихъ, и что ночью, когда всѣ уснутъ, невѣсту приводятъ къ жениху и онъ становится мужемъ [2]). Р. К. Маакъ указываетъ, что женихъ пріобрѣтаетъ супружескія права на невѣсту еще до полной уплаты калыма, но сдѣлавъ особый подарокъ, состоящій изъ кобыльяго мяса и имѣющій особое названіе „хойпосоръ кэси", гостинецъ для спанья. При этомъ супружескія права жениха нисколько не зависятъ отъ возраста невѣсты; если она даже совсѣмъ малолѣтна, дѣло отъ этого не мѣняется [3]). Наконецъ, В. Л. Сѣрошевскій тоже сообщаетъ, что женихъ еще задолго до полной уплаты калыма становится мужемъ невѣсты послѣ торжественной поѣздки къ тестю, сопровождающейся цѣлымъ рядомъ церемоній [4]). Онъ же упоминаетъ, что иногда и послѣ уплаты калыма и вѣнчанія жена все-таки остается тамъ еще нѣсколько времени, и женихъ навѣщаетъ ее, привозя съ собой каждый разъ особые подарки; въ старину же такія отстрочки въ переѣздѣ жены къ мужу были еще продолжительнѣе и достигали до 4—5 лѣтъ (стр. 548).

Изъ всѣхъ этихъ указаній, какъ мнѣ кажется, можно сдѣлать слѣдующее заключеніе: у якутовъ моментомъ, аналогичнымъ нашему вѣнчанію, т.-е. дающимъ жениху *законное* право на супружескія отношенія съ невѣстой, является его первый оффиціальный пріѣздъ къ тестю. Послѣ того молодые люди по закону становятся мужемъ

---

[1]) *Кн. Н. Костровъ*, Очерки юридическаго быта Якутовъ. Зап. Геогр. общ. по отд. Эти. VIII, стр. 280—281.

[2]) *Н. С. Щукинъ*, Якуты. Журн. Мин. Вн. Д. 1854 г., 7, стр. 27—28.

[3]) *Р. Маакъ*, Вилюйскій округъ Якутской области, III, стр 94.

[4]) *В. Л. Сѣрошевскій*, Якуты, I, стр. 537—542.

и женой, но жена остается въ родительскомъ домѣ, а мужъ только навѣщаетъ ее. Подобныя отношенія опять-таки можно объяснить только какъ переживаніе прошлаго, когда они были постоянными, т.-е. когда жена навсегда оставалась у отца. То обстоятельство, что женихъ при первомъ пріѣздѣ сидитъ на невѣстиной постели и старается, чтобы его никто не видѣлъ, позволяетъ думать, что прежде его пріѣзды были какъ бы тайными и скрытными; а это, можетъ-быть, находится въ связи съ господствующей у якутовъ экзогаміей.

У *башкировъ* женихъ становится мужемъ невѣсты задолго до уплаты калыма и до того времени, какъ онъ можетъ взять ее къ себѣ въ домъ. Супружескія отношенія между ними нисколько не скрываются, и рожденіе ребенка не считается предосудительнымъ. При этомъ только требуется или, по крайней мѣрѣ, прежде требовалось, чтобы женихъ не видѣлъ лица невѣсты и не показывался на глаза тестю и тещѣ. Юлуевъ сообщаетъ, что даже вѣнчаніе муллой, т.-е. религіозная и юридическая санкція брака, дающая ужъ совсѣмъ законное право на супружескія отношенія, совершается по уплатѣ лишь части калыма, но жена еще долго остается въ родительскомъ домѣ и тамъ принимаетъ мужа. Лепехинъ указываетъ, что для пріема мужа у жены ставится особая юрта [1]).

Объ *остякахъ* мы читаемъ у Гр. Новицкаго слѣдующее: „Егда бо хощетъ кто пояти себѣ въ жену у котораго дочеръ, тогда отецъ дщеры постовляетъ оной цѣну, яже, по ихъ, калымъ нарицается. Совершивше же договоромъ и утвердивше оный калымъ, назнаменанный оный зять, егда хощетъ зарученную себѣ невѣсту привѣтствовать, долженъ сохранити сей обычай, чтобы не явственнымъ лицемъ, но обращшеся плещми своими входилъ въ жилище тестя своего, ниже взираяй дерзнеть на лице его, но ускорлеть на мѣста, гдѣ же она зговореная сидитъ: се же обыкновеніе въ знаменіе смиренія есть противо родителей“. По уплатѣ калыма „тогда отецъ поемлетъ и отдаетъ зятю... аще же калымъ весь не исполнитъ за скудостію своею, то не можетъ отецъ изъ дому своего дщери отпустить оному. Совокупно же съ нею свободно

[1]) *И. С. Назаровъ*, Къ этнографіи Башкиръ, Этн. Об., IV, стр. 187—188.—*Батыръ-гирей Мухамедовъ Юлуевъ*. Къ этнографіи Башкиръ. Этн. Об., XIII—XIV, стр. 217—218.—*Лепехинъ*, Записки путешествія, изд. 1221 г., т. II, стр. 129—170.

въ дому своемъ не возбраняетъ пребывати, донележе весъ калымъ заплатитъ" [1]). Изъ этихъ словъ можно сдѣлать выводъ, что и у остяковъ, вѣроятно, женихъ имѣлъ право какъ бы тайкомъ навѣщать невѣсту и вступать съ нею въ интимныя отношенія. До извѣстной степени это подтверждаетъ и Н. А. Абрамовъ, который говоритъ, что „пока весь калымъ не будетъ уплаченъ, дочь остается у отца, но жениху не возбраняется пріѣзжать къ невѣстѣ и спать вмѣстѣ съ нею" [2]), и еще больше Палласъ, у котораго говорится, что женихъ, уплативъ часть калыма, напоминаетъ тестю, чтобы тесть приготовилъ ему къ слѣдующей ночи постель въ своей юртѣ. Послѣ этой ночи, проведенной женихомъ съ невѣстой, теща получаетъ отъ зятя особый подарокъ за сбереженіе невѣсты въ невинности, а кожа, на которой спали молодые, разрѣзается на куски и разбрасывается всюду въ знакъ торжества. Если же невѣста оказалась не дѣвушкой, теща даритъ зятю оленя [3]). Эти подробности ясно указываютъ, что именно къ этому моменту пріурочивали остяки окончательное заключеніе брака и все-таки жена продолжала оставаться до выплаты калыма въ родительскомъ домѣ, а мужъ ограничивался посѣщеніями ея [4]).

У *черемисовъ* по окончательной платѣ калыма женихъ и невѣста становятся мужемъ и женой, но переѣзжаетъ жена къ мужу только черезъ полгода, а тѣмъ временемъ мужъ навѣщаетъ ее по ночамъ разъ въ недѣлю, по четвергамъ [5]).

У кундровскихъ татаръ достаточно внести первую часть калыма, чтобы „имѣть уже всѣ права на невѣсту и посѣщать ее не въ урѣченное (?) время, хотя посѣщенія эти и прикрываются кажущеюся таинственностью" [6]).

У черемшанскихъ татаръ женихъ до полной уплаты калыма „имѣетъ право тайно отъ времени до времени посѣщать свою не-

---

[1]) *Гр. Новицкій*, Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, стр. 42—43.

[2]) *Н. А. Абрамовъ*, Описаніе Березовскаго края. Зап. Геогр. Общ XII, стр. 335.

[3]) *П. С. Палласъ*, Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства (изд. I-е), IV, стр. 69.

[4]) Ср. также *А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ* и *К. М. Голодниковъ*, Памятная книжка Тобольской губ. на 1884 г., стр. 35.

[5]) *Мендіаровъ*, О Черемисахъ Уфимской губерніи, Эти. Об., XXII, стр. 52.

[6]) *П. Небольсинъ*. Инородцы Астраханской губерніи. Замѣтки о Кундровскихъ татарахъ. Вѣстн. Геогр. Общ. 1851 г. II, стр. 18.

вѣсту, что у нихъ за пазуху ходить, касъ куйпепа крядырь, называется: ибо только до пазухи невѣстиной, а не далѣе женихова вольность простираться должна"[1]).

У тунгусовъ Охотскаго края женихъ по уплатѣ части калыма имѣетъ право навѣщать невѣсту и гостить у ней сколько вздумается[2]).

У гольдовъ невѣста должна избѣгать жениха послѣ сватовства и до одного изъ послѣднихъ моментовъ брака, называемаго „дапсари". На дапсари справляется особая церемонія „дырелачо-ури", т.-е. „первая встрѣча двухъ лицъ", которая состоитъ въ томъ, что женихъ и невѣста становятся на колѣни и трижды угощаютъ другъ друга ханшиномъ. Потомъ происходитъ угощеніе гостей, а вечеромъ, когда всѣ улягутся спать, невѣсту приводятъ къ жениху и кладутъ подъ одно съ нимъ одѣяло, хотя бы она была совсѣмъ малолѣтняя. Супружескихъ сношеній между ними, однако, тутъ не бываетъ, такъ что это только обрядъ. Невѣста затѣмъ все же остается еще у родителей на болѣе или менѣе продолжительное время и перевозится къ жениху только въ слѣдующій актъ брака, „хосодабгалику"[3]).

У калмыковъ, какъ говоритъ Палласъ, „еще за два года до свадьбы дается жениху вольность ходить къ невѣстѣ и съ нею играть"[4]).

У лопарей молодые должны послѣ свадьбы прожить годъ или больше у тестя. Въ другихъ источникахъ указывается, что женихъ послѣ сватовства имѣетъ право спать съ невѣстой[5]).

У самоѣдовъ остатки старины сохранились во второстепенныхъ церемоніяхъ свадебнаго ритуала. Для уплаты калыма женихъ со свитой пріѣзжаетъ къ отцу невѣсты, но разбиваетъ тамъ собственный чумъ. Сперва пируютъ въ чумѣ тестя, потомъ переходятъ въ

---

1) *Лепехинъ*, I, стр. 195.

2) *А. Сгибневъ*. О тунгусахъ Приморской области. Морск. Сборн. 1859 г. 5, стр. 42.

3) *П. Шимкевичъ*, Нѣкоторые моменты изъ жизни гольдовъ. Этн. Об., XXXIV, стр. 12—13.

4) *Палласъ*, I, 531.

5) *А. гр. Пошманъ*. Описаніе Архангельской губерніи (изд. 1866—1873 гг.) I, стр. 188. *Leem*, Nachrichten von den Lappen, S. 198, цитир. по Lippert, Geschichte der Familie, S. 34.—Ср. *Н. Харузинъ*, Русскіе Лопари, стр. 264, 267, 269, 270, 271, 272 и 280.

жениховъ чумъ и приводятъ туда невѣсту. Женихъ сидитъ рядомъ съ невѣстой и молча угощаетъ ее мясомъ и виномъ, въ чемъ, пожалуй, можно видѣть формальное закрѣпленіе брака, аналогичное нашему вѣнчанію. Попировавъ, гости расходятся и оставляютъ молодыхъ однихъ. Послѣ полуночи женихъ долженъ выйти изъ чума такъ, чтобы его никто не замѣтилъ, запречь оленей и уѣхать домой. Переѣздъ невѣсты къ жениху происходитъ только спустя нѣкоторое время послѣ того, и тутъ продѣлывается церемонія, аналогичная символическому похищенію невѣсты [1]).

Слѣды прошлаго, когда мужъ жилъ у тестя и пасъ его стада, можетъ-быть, можно видѣть и въ одной *телеутской* пѣснѣ, въ которой молодой человѣкъ, попавшій въ руки киргизовъ и ожидавшій себѣ смерти, говоритъ:

Weisses Vich vom Schwiegervater
Suchend, traf ich euch, o Männer [2]).

У *мещеряковъ* молодая недѣли черезъ три послѣ свадьбы уходитъ къ матери и живетъ у нея недѣль шесть [3]).

Такъ какъ я отнюдь не имѣю сейчасъ въ виду исчерпать всѣ относящіеся сюда факты, то ограничусь пока вышеприведенными и обращусь къ другой категоріи явленій, въ которой, по моему мнѣнію, тоже можно видѣть слѣды прежняго порядка вещей, когда жена не покидала родительскаго дома.

IV.

Вопросъ о приданомъ невѣсты, о его происхожденіи и назначеніи сравнительно очень мало привлекалъ къ себѣ вниманіе этнологовъ, а между тѣмъ изученіе этого института проливаетъ извѣстный свѣтъ на ходъ развитія семьи. Тутъ очень существенное значеніе имѣетъ *составъ* приданаго, и потому я остановлюсь съ нѣкоторой подробностью на этомъ обстоятельствѣ.

У *юкагировъ*, какъ мы видѣли выше, мужъ, входя въ семью жены, приноситъ съ собой только свое охотничье оружіе, ружье

[1]) *Вл. Исланинъ*, Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту, стр. 129—130.
[2]) *Radloff*, Aus Sibirien, I, 339.
[3]) *К. Масловскій*, Бытъ, обряды и повѣрья мещеряковъ. Вѣстн. Геогр. общ. 1859 г. II, стр. 118.

или лукъ, все остальное, нужное для хозяйства и жизни, принадлежитъ женниной семьѣ; мужъ даже новый костюмъ получаетъ отъ жены.

У *чукчей* [1]) и *коряковъ* [2]) приданое состоитъ изъ оленей.

Гилякія дѣвушки получаютъ въ приданое одежду и украшенія [3]).

У *ламутовъ* „приданое состоитъ прежде всего въ нарядахъ, какъ женскихъ, такъ и мужскихъ... въ утвари, новомъ шатрѣ, новой металлической посудѣ" [4]).

У *гольдовъ* приданое состоитъ изъ одежды, украшеній, постели съ одѣяломъ и разнаго рода домашней утвари, въ томъ числѣ изъ камышевыхъ ковровъ и камышевыхъ полосокъ, которыя вѣшаются на стѣны фанзы. Богатые родители прибавляютъ къ приданому дочери котелъ, топоръ, огниво, ножъ, лыжи, копье и т. д. [5]).

Тунгусы даютъ въ приданое за дочерью пару новаго платья для мужа, покрышку для чума, нѣсколько оленей и кое-что изъ домашней утвари [6]). У забайкальскихъ тунгусъ въ составъ приданаго входитъ юрта [7]).

Бурятское приданое состоитъ изъ украшеній, одежды, постелей, ящиковъ, посуды, верховаго коня съ уборомъ, нѣсколькихъ головъ скота, а также и юрты со всѣми принадлежностями [8]).

Калмычки получаютъ въ приданое скотъ, одежду, украшенія, всякую домашнюю утварь и кибитку. Интересно, что эта кибитка, а также нѣкоторые другіе предметы изъ приданаго изготовляются изъ матеріаловъ, доставленныхъ женихомъ, и отчасти съ помощью его родныхъ [9]).

---

[1]) *А. А. Ресинъ*, l. c., стр. 173—*Ѳ. М. Августиновичъ*, l. c., стр. 54.

[2]) *Дитмаръ*, стр. 25—*Богородскій*, стр. 110.

[3]) *Л. Штернбергъ*, Сахалинскіе гиляки, Этн. Об. XVII, стр. 30.

[4]) *В. Г. Богоразъ*, Ламуты, Землев. 1900, г. 1., стр. 71.

[5]) *П. П. Шимкевичъ*, Нѣкоторые моменты изъ жизни гольдовъ, Этн. Обозр. XXXIV, стр. 14—15.

[6]) *П. Третьяковъ*, Туруханскій край, Зап. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, страница 380.

[7]) Забайкальскіе тунгусы. Сиб. Вѣст. 1822 г., XX, стр. 64.

[8]) *М. Хангаловъ*, Юридическіе обычаи у Бурятъ, Этн. Об., XXI, стр. 138—*Латансъ*, l. c., стр. 58—60. *А. Ѳ. Раевъ*, Буряты, Вѣст. Геогр. Общ. 1858 г., т. XXIV, стр. 26.

[9]) *И. А. Житецкій*, Очерки быта Астраханскихъ калмыковъ, стр. 21—22—*А. Терещенко*. Улусъ Хошотскій или Хошоутовскій, Москвит. 1851 г., I., стр. 49—*Лепехинъ*, II, стр. 370—371—*Палласъ*, I, стр. 531.

У *якутовъ* приданое, по словамъ Р. К. Маака, состоитъ изъ скота, который доставляется женихомъ въ видѣ калыма [1]). В. Л. Сѣрошевскій указываетъ, что кромѣ скота въ приданое входитъ домашняя утварь, одежда, постель, украшенія, вареное мясо и т. д. [2]). Наконецъ, Н. Бергъ, перечисливъ предметы, входящіе въ составъ якутскаго приданаго, добавляетъ: „отецъ невѣсты обязуется дать ей на постройку юрты около 10 скотинъ. Эта послѣдняя заключительная дачъ называется тосъ-се-титя" [3]).

У *карагассовъ* приданое состоитъ изъ извѣстнаго количества оленей, приблизительно около половины числа, полученнаго въ калымъ, и изъ лѣтней и зимней юрты [4]).

У *качинцевъ* въ составъ приданаго входитъ одежда, украшенія, домашняя утварь и большое количество скота [5]).

Каракиргизы даютъ въ приданое за дочерью кибитку, коверъ, халатъ [6]).

У *киргизовъ* въ приданое, кромѣ одежды, украшеній, скота, постели и всякой домашней утвари, поступаетъ также и кибитка [7]), при чемъ и здѣсь кибитка эта, по словамъ г. П. Алтынсарина (113) и Кустанаева (стр. 30), изготовляется изъ матеріаловъ, привезенныхъ женихомъ.

Туркменское приданое состоитъ изъ одежды и внутреннихъ украшеній кибитки [8]).

Кундровскіе татары даютъ въ приданое новую кибитку и нѣсколько воловъ, каждый изъ которыхъ впрягается въ особою арбу съ разной одеждой, домашней утварью и всѣми принадлежностями

---

1) *Р. К. Маакъ*, l. c., стр. 94.

2) *В. Л. Сѣрошевскій*, l. c., стр. 546—548.

3) *Н. Бергъ*, Свадебные обряды якутовъ. Вѣстн. Геогр. Общ. 1853 года, VII, стр. 35.

4) *Ю. И. Штубендорфъ*, О карагассахъ. Этн. Сб., IV, стр. 8 или Вѣстн. Геогр. Общ. 1854 г., XII, стр. 236.

5) *П. Островскихъ*, Этнографическія замѣтки о тюркахъ Минусинскаго округа. Жив. Ст. 1895 г., 3—4, стр. 319—320—*Палласъ*, IV, стр. 560.

6) *Н. И. Гродековъ*, l. c., стр. 83.

7) *Х. Кустанаевъ*, стр. 32 — *Ѳ. Л-ій*, № 154. *А. А. Диваевъ*, стр. 20. — *Н. Е. Маковецкой*, стр. 9. — *А. Левшинъ*, III, стр. 100.— *Н. Изразцовъ*, стр. 79.—*Н. И. Гродековъ*, стр. 83.—*Алтынсаринъ*, стр. 112.

8) *Боде*, стр. 229.

хозяйства, при чемъ всѣ эти предметы покупаются именно на деньги, внесенныя женихомъ въ видѣ калыма [1]).

У башкировъ приданое состоитъ главнымъ образомъ изъ одеждъ и украшеній, или прямо доставляемыхъ женихомъ, или покупаемыхъ на внесенный имъ калымъ [2]).

Чувашское приданое состоитъ изъ одеждъ, украшеній, утвари скота, пчелъ и т. д.; величина его соразмѣрна величинѣ калыма [3]).

Самоѣдскія невѣсты получаютъ въ приданое чумъ со всѣми принадлежностями, оленей, сани, всякую утварь, провизію, одежду и т. д., величина приданаго соотвѣтственна величинѣ калыма [4]).

У юраковъ молодая, переѣзжая къ мужу, привозитъ съ собой и чумъ, въ которомъ проводится первая ночь [5]).

Остяцкое приданое состоитъ изъ платьевъ, бѣлья и постели и пріобрѣтается на часть калыма [6]).

Лопари даютъ въ приданое оленей, одежду, утварь, неводъ и т. д. [7]).

У пермяковъ приданое состоитъ изъ одеждъ, хозяйственныхъ принадлежностей, немного скота, иногда денегъ [8]); обязательно въ составъ приданаго входитъ корова и двѣ овцы [9]).

---

[1]) *И. Небольсинъ*, Инородцы Астраханской губерніи. Вѣстн. Геогр. Общ. 1851 г. II, стр. 18.

[2]) *Юлуевъ*, стр. 216—217—*Лепехинъ*, II, стр. 168.

[3]) *В. Ашмаринъ*, Чувашская свадьба. Этн. Об. V, стр. 162. – О чувашахъ. Этнограф. очеркъ неизвѣстнаго автора XVIII, стол. Съ предисловіемъ и примѣч. В. Магнитскаго. Казань 1888 г., стр. 7.—*А. Фуксъ*, Записки о Чувашахъ и Черемисахъ Казанской губерніи, стр. 69—70.

[4]) *Вл. Иславинъ*, Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту, стр. 128—*A. G. Schrenk*, Reise nach dem Nordosten des europaischen Russlands, I, S. 476.—*А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ и К. М. Голодниковъ*, стр. 41. — *А. ф. Пошманъ*, Описаніе Архангельской губерніи, (изд. 1866—1873 г.) I, стр. 136.—*А. Ефименко*, Народные юридическіе обычаи Лопарей, Кореловъ и Самоѣдовъ Архангельской губерніи, стр. 178.—*М. Ѳ. Кривошапкинъ*, Енисейскій округъ и его жизнь, II, стр. 150.

[5]) *П. Третьяковъ*, стр. 396.

[6]) *S. Patkanov*, Die Irtysch-Ostjaken, S. 139.

[7]) *А. ф. Пошманъ*, I, стр. 188; II, 75.—*А. Ефименко*, стр. 27. — *Н. Н. Харузинъ*, Русскіе Лопари, стр. 269, 270, 303, 304. — *Св. Гр. Терентьевъ*, Этнографія Лопарей, Арх. губ. Вѣд. 1868 г., 2.

[8]) *Роговъ*, Матерьялы для описанія быта Пермяковъ. Пермск. Сборн. II, стр. 116.

[9]) *Н. Добротворскій*, Пермяки, В. Евр. 1883 г., 4, стр. 563.

У вогуловъ невѣста приноситъ въ приданое чумъ, нѣсколько партъ съ оленями, провизію, всякую домашнюю утварь и одежды [1]).

У черемисовъ въ приданое „отецъ даетъ своей дочери часть отъ всего своего имѣнія: дастъ лошадь съ полной упряжью, корову или теленка, иногда и то и другое вмѣстѣ, нѣсколько овечекъ, нѣсколько паръ гусей, утокъ, куръ. Бѣдный дастъ по крайней мѣрѣ по парѣ всякой живности — это ужъ обязательно" [2]).

Мордовское приданое состоитъ изъ одежды и скота [3]).

Легко понять, почему невѣста приноситъ съ собою въ приданое свои одежды и украшенія или такія хозяйственныя принадлежности, которыя относятся спеціально до женскаго хозяйства, но какъ объяснить себѣ, почему она приноситъ полное домашнее обзаведеніе, провизію, стадо оленей и, наконецъ, кибитку или чумъ? Вѣдь, вообще говоря, женщина у большинства инородцевъ не имѣетъ почти никакихъ имущественныхъ правъ и не наслѣдуетъ отцу, такъ что въ такомъ приданомъ нельзя видѣть выдѣлъ дѣвушкѣ части родового имущества, возникшій уже на почвѣ современныхъ отношеній. Вѣдь во многихъ случаяхъ приданое состоитъ изъ части калыма или изготовляется на деньги, внесенныя въ видѣ калыма, такъ что нерѣдко женихъ, давая калымъ, получаетъ его обратно весь или опредѣленную его часть, и, какъ общее правило, калымъ и приданое болѣе или менѣе соразмѣрны по величинѣ: чѣмъ больше приданое, тѣмъ большій калымъ платится за дѣвушку, и, наоборотъ, чѣмъ больше калымъ, тѣмъ больше должно быть приданое. У якутовъ калымъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) *сулу* живымъ скотомъ отъ нѣсколькихъ до 100 головъ скота, 2), *курумъ* отъ одной скотины до 10—15 головъ, отчасти живыхъ, отчасти убитыхъ, 3) *сынгахъ хонгоруръ*, или *уосъ-асаръ* (раскрытіе губъ), живая скотина или стегно мяса и нѣсколько денегъ по состоянію, 4) *хойнохоръ кэсій*, подарокъ за ночлегъ, стегно мяса или одна живая скотина, 5) *бысыръмъ кэсій*, также одна голова живого скота или стегно мяса. Главная и самая большая изъ этихъ частей, сулу, возвращается жениху обратно въ видѣ приданаго, курумъ

---

[1]) *К. Носиловъ*, Юридич. обычаи Маньсовъ. Сб. мат. по этн., изд. при Дашков. муз., III, стр. 73.

[2]) *Ст. Кузнецовъ*, Очерки изъ быта Черемисъ. Др. и Нов. Росс. 1877 г. стран. 35.

[3]) *М. Е. Евсевьевъ*, Мордовская свадьба, Жив. Ст. 1892 г. 2; стр. 99.

идетъ на угощеніе и не возвращается жениху [1]). Про киргизское приданое одинъ изъ авторовъ выражается такъ: „приданое, если его оцѣнить, приблизительно одинаково, по крайней мѣрѣ у состоятельныхъ киргизовъ, съ калымомъ.... Стало быть, вообще говоря, калымъ не составляетъ еще прямого убытка для женившагося. По моему мнѣнію, калымъ есть только мѣна скота на нѣкоторые необходимые въ семейномъ быту предметы, на покупку которыхъ киргизъ употребилъ бы развѣ немного менѣе, чѣмъ уплатилъ въ калымъ" [2]). У калмыковъ и киргизовъ, какъ я уже упоминалъ, кибитка, поступающая въ приданое невѣстѣ, изготовляется изъ матеріаловъ, доставленныхъ женихомъ. А. Ѳ. Раевъ говоритъ про бурятскій калымъ, что онъ шелъ „по древнему обычаю, на снабженіе... дочери платьемъ, посудою и юртою съ принадлежностями", и этотъ авторъ различаетъ сватовство съ условіемъ о калымѣ отъ простой покупки дѣвочки, которая потомъ выдавалась замужъ за сына купившаго ее человѣка или за кого либо другого [3]).

Конечно, составъ приданаго далеко не одинаковъ у различныхъ народовъ, но на меня относящіеся сюда факты производятъ такое впечатлѣніе, что съ большей или меньшей полнотой и послѣдовательностью современное приданое выражаетъ ту мысль, что все нужное для домашняго обзаведенія новой супружеской пары, включая сюда и жилище, должно быть доставлено женой, и что современный калымъ въ значительной степени является выкупомъ этого приданаго, т. е. женина имущества. Подобное представленіе не могло, конечно, возникнуть на почвѣ существующихъ отношеній. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, жениху давать невѣстѣ средства на пріобрѣтеніе жилища и стада оленей, нужныхъ для ихъ будущей супружеской жизни, когда онъ самъ можетъ пріобрѣсти эти предметы или даже когда они у него имѣются? Не странно ли, что женихъ даетъ будущему тестю стадо и получаетъ его потомъ обратно въ видѣ приданаго?

Мнѣ кажется, что эти и имъ подобные вопросы разрѣшатся очень просто, если мы допустимъ, что прежде мужъ не бралъ

---

[1]) *В. Л. Сѣрошевскій*, стр. 545—546.—*Р. К. Маакъ*, III, стр. 94; ср. также *Н. Бергъ*, стр. 32—35.

[2]) *Н. Изразцовъ*, стр. 82.

[3]) *А. Ѳ. Раевъ*, стр. 26—27.

жену къ себѣ въ домъ, а самъ переходилъ къ ней на жительство. Тогда все нужное для жизни, кромѣ спеціально мужскихъ охотничьихъ орудій, принадлежало женѣ, какъ это мы видѣли у юкагировъ. По мѣрѣ того, какъ мужъ пріобрѣталъ все большія права на жену и на ея имущество или, вѣрнѣе сказать, на имущество ея семьи, онъ долженъ былъ дѣлать соотвѣтственныя возмѣщенія. Отрывая жену отъ ея родныхъ и заставляя ее переселиться въ его родъ, онъ вмѣстѣ съ нею перевозилъ и ея домъ и имущество, но долженъ былъ возмѣстить ихъ стоимость родственникамъ жены. Народное сознаніе настолько свыклось съ представленіемъ о поселеніи мужа въ домѣ жены, что не могло отрѣшиться отъ него даже при измѣнившихся условіяхъ. Жена всетаки продолжала считаться хозяйкою жилища и переѣзжала въ родъ мужа вмѣстѣ съ собственной кибиткой или чумомъ.

Принадлежность дома къ приданому имѣетъ особенно важный смыслъ. Съ одной стороны, эта черта является наиболѣе устойчивой и можно сказать, что почти всѣ кочевые инородцы, т.-е. тѣ, у которыхъ домъ представляетъ *движимое* имущество, даютъ его въ приданое за дочерью; съ другой — эта черта приводитъ насъ къ теоріи Липперта о раздѣльности мужского и женскаго хозяйства у первобытныхъ народовъ и о принадлежности дома именно къ женскому хозяйству. Подтвержденіемъ этой теоріи можетъ служить и тотъ фактъ, что у большинства изъ русскихъ инородцевъ, ведущихъ кочевую жизнь, разборка и установка на мѣстѣ чума, юрты или кибитки составляетъ обязанность не мужчинъ, а женщинъ [1]).

А. Максимовъ.

---

[1]) Чукчи: *Танъ*, passim—*К. К. Нейманъ*, Историч. обзор. дѣйствій Чукотской экспедиціи. Изв. Сиб. отд. I, 1871 г., 4—5, стр. 19—*Б. Г. Майдель*, стр. 154. *В. Г. Богоразъ*, стр. 38.

Тунгусы: *Ѳ. М. Августиновичъ*, стр. 49.—*Богородскій*, стр. 119.—*П. Кларкъ*, Очеульскіе и тутурскіе Тунгусы, стр. 90. *П. Кларкъ*, Вилюйскъ и его округъ. Зап. Сиб. отд. VII, стр. 128.

Калмыки; *Палласъ*. I, стр. 465.

Самоѣды; *A. G. Schrenk*. I, S 474. *В. Иславинъ*, стр. 24.—*Av. Middendorff*, Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens, Bd. IV, pp. 1422, 1432.

Дозволено цензурою. Москва, 16 марта, 1902 г.

Поставщ. двора Его Величества т-во скоропеч. А. А. Левенсонъ. Москва, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

2007056119